
Татьяна Серганова
Ольяна.
Избранница Каарха

Татьяна Серганова

Тьяна. Избранница Каарха

«Автор»
2024

Серганова Т.

Тьяна. Избранница Каарха / Т. Серганова — «Автор», 2024

Мой мир жесток и не прощает ошибок. Десять лет я существовала, боясь собственной тени. Ждала, что за мной в любой момент придут. И вот этот миг настал.Меня зовут Тьяна Абремо. Я дочь предателей, проклятая собственной матерью. По приказу великого императора я должна стать женой дикаря с непокорного острова в самом сердце океана, кишащего морскими чудовищами - кракенами. Он Каарх. Потомок некогда великого и древнего рода. Единственный, кто сможет противостоять монстрам Темного.Наш союз изначально обречен на провал. Но что будет, если в игру правителей вмешается любовь?

© Серганова Т., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 2 21
Глава 4 29
Глава 5 39
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Татьяна Серганова
Тьяна. Избранница Каарха

Глава 1

Красные волки пришли за мной на рассвете.

Мы уже успели позавтракать и обслужить нашу немногочисленную живность в виде старой тощей козы и двух десятков кур.

Собрав яйца в корзинку, я помогала старой няне, старательно вытиравшей посуду, прополоскать наши пожитки в деревянной лохани, такой древней, что дерево уже рассохлось, деформировалось и потрескалось, из-за чего вода медленно вытекала из щели под ноги. От въедливого, дурно пахнущего мыла, которое мы сами варили, жгло руки и трескалась кожа. Еще одна причина закончить стирку как можно быстрее.

Утро было по-летнему теплым и солнечным. Мы расположились на заднем дворе, подставив бледные лица под мягкие лучи. Ничто не предвещало беды. Хотя еще вчера вечером нянюшка, раскладывая пасьянс, хмурилась и кусала губы, поднося к подслеповатым глазам затертые карты.

– Прошлое, – бормотала она, и я отчетливо видела ее изрезанное морщинами лицо в отсветах огня, горевшего в очаге. – Прошлое возвращается.

Я не обратила внимания на ее слова, хотя стоило насторожиться. Когда живешь в нервном ожидании более десяти лет, потихоньку начинаешь менять свои взгляды, привычки. И бояться тоже перестаешь. Потому что существование в постоянном страхе может лишить рассудка. А я не собиралась преподносить императору такой подарок. О нет, я собиралась долго жить и напоминать ему своим существованием о том, что произошло десять лет назад.

Их было шесть.

Половина элитного отряда безжалостных убийц и головорезов в черной форме с алыми, как кровь, мордами волков на груди, открывшими пасти в жутком оскале. Красные волки, императорские палачи, страх и ужас для каждого.

Они зашли бесшумно, лишь холодные взгляды, от которых озноб прошел по спине, заставили меня обернуться. Посмотреть на них, почувствовать, как душа уходит в пятки, постараться не двигаться и не доставать припрятанный в потайном кармане ножик, что не раз спасал меня от подвыпивших граждан, пытавшихся затащить строптивую девицу в ближайшие кусты.

– Нам нужна Тьяна Абремо, – произнес один из вошедших, окидывая нас брезгливым взглядом.

Нянюшка охнула, уронила тарелку, та, тихо звякнув, упала в траву. Дорогого фарфора давно уже не было. Большую часть украли слуги, что поспешили сбежать из замка, как только хозяева были схвачены и увезены в Башню смерти. Остальное вместе с имуществом забрали императорские прихвостни, лишь парочку блюд удалось припрятать няне. Она продала их в лавку семь лет назад, в страшную зиму, когда мы с трудом выживали, а я слегла с горячкой, которая едва не отправила меня за грань. Так что, бесценного фарфора давно не было, а оловянным тарелкам ничего не сделается.

– Это я, – спокойно произнесла, осторожно подняла упавшую тарелку и, быстро ополоснув пальцы, вытерла их о подол потертой юбки.

– Что – ты?

– Я – Тьяна Абремо.

Как же мне хотелось добавить титул. Но герцогство было ликвидировано, все замки, поместья, деньги и драгоценности конфискованы в пользу Империи. Оставались лишь жалкое

пособие, те вещи, что няня успела спрятать, и крохотный домик вдалеке от столицы, в котором нам позволили существовать.

– Ты?

Они внимательно меня осмотрели. В глазах явно читалось недоверие. Дело не только в залатанной старенькой одежде. Дочь Микеллы и Арнольда Абремо должна была быть другой.

– Проклята, – сорвалось с губ одного, самого молодого.

Его тут же толкнули в бок, заставив замолчать. А я лишь усмехнулась, почувствовав, как страх отступает. Есть кое-что пострашнее красных волков – гнев богов, который одинаково беспощаден к бедным и богатым. Говорят, что дети не несут ответственности за грехи своих родителей. Ложь. Я являлась ярким тому примером.

Волки смотрели и понимали, что я не лгу. Такое не прощалось.

– Приказом императора вам велено прибыть в столицу.

Медленно опустилась на пенек и жалобно всхлипнула няня, прижав дрожащую руку к лицу.

– Все будет хорошо, – шепнула я, ободряюще погладив ее по спине. – Я могу собрать вещи и переодеться?

– Да, – отрывисто произнес первый мужчина, судя по нашивке, командир подразделения, и отвел взгляд в сторону. – У вас десять минут.

– А моя няня?

– Приказано доставить лишь вас.

Старые половицы жалобно заскрипели, когда я вбежала в домик и сразу бросилась за печку, где находилась моя комната, хотя назвать ее так мог лишь сумасшедший. Но какая разница? Здесь помещались лежанка и сундучок для одежды, а еще зимой тут было тепло, и простуда мне не грозила. Большего в данной ситуации не требовалось.

Вошла, задернула занавеску, быстро стянула блузку и юбку, осталась в сорочке из грубого сукна, от которого к вечеру страшно чесалась кожа. Потянулась к сундучку, достала с самого дна мое единственное парадное платье, которое мы выкупили у старьевщика, как смогли, покрасили в ярко-синий цвет и заштопали. Цвет был не совсем синий, краска взялась плохо, платье вышло с разводами, но они были такими необычными, что создавалось впечатление, будто так и было задумано. Натянув его, подпоясала тканевым пояском, сдернула с головы платок, причесалась и украсила волосы гребешком с искусственными цветами, пожелтевшими от времени.

Рука дрогнула, когда я водрузила гребешок на голову и стала изучать собственное отражение в осколке зеркала, прикрепленом к стене. Промелькнула мысль: зачем я так стараюсь? Для кого? Все равно никто не оценит, лишь высмеют.

Выдернула гребешок, вздрогнула от боли, когда он потянул за собой волосы, некоторое время сжимала его в руке, а затем бросила на лежанку.

Вещей у меня было немного, да и не стоило брать юбки и блузки с собой. Поэтому в небольшой мешок аккуратно легли сменное белье и еще одна сорочка.

Замерла и некоторое время прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы, затем достала из тайника припрятанную деревянную шкатулку с дорогими сердцу безделушками – камушками, ракушками и стеклянными бусами. Денег они не стоили, но и расставаться с ними я не желала.

Последним из шкатулки был извлечен небольшой кулон. Самая дорогая и самая бесполезная вещь в жизни. Великое Древо, выполненное из золота, с листочками из изумрудов и моим именем внизу. Кулон, который нельзя продать или украсть, ведь его боги дарят каждой наяде после первого круга испытаний.

Я хорошо помнила, как через полгода после казни родителей швырнула его в воду, не желая видеть частицу прошлого, которое у меня отняли. Он все равно вернулся ко мне через пару месяцев в желудке рыбы.

– Береги его, – сказала няня, возвращая кулон Древа. – Береги и помни, кто ты такая и кем были твои родители. Помни, как их предали, и будь сильной. Не дай себя сломать.

Как только украшение коснулось груди, я прижала его ладонью, на мгновение закрыла глаза.

Нет, не к богам я взывала в этот момент, а к родителям. И пусть это неправильно, души ушедших тревожить грешно – сам Мертвый бог может откликнуться и утащить в свой острог, где царит вечная ночь – но я уже давно перестала бояться.

– Я готова, – сообщила волкам, выходя наружу.

– Тьяна, – беспомощно прошептала нянюшка, протянув ко мне руки.

Я подбежала к ней и упала на колени, благодаря за те годы, которые она была рядом, растила меня, не давала сгинуть, светлой тенью освещала мой путь.

– Спасибо, – прошептала, целуя морщинистые руки.

– Пусть хранит тебя Сайрон, – произнесла она, касаясь моего лба большим пальцем, словно хотела оставить отпечаток, провела по бровям, рисуя дуги, тихо дунула в нос. – Пусть его благодатный огонь коснется твоего сердца и согреет в самый трудный момент.

Я вытерпела все это молча и даже не поморщилась.

– Спасибо. Я вернусь за тобой. Обязательно вернусь.

– Будь осторожна, помни, чему я тебя учила. И не гневи богов, им лучше знать, куда тебя вести и какие препятствия создавать.

– Я понимаю.

Я понимала, но не одобряла и не прощала.

Боги уже десять лет были для меня мертвыми идолами в храме. Я давно утратила веру и вернуть ее не могла.

Путь до столицы Империи занял около шести часов, и то благодаря грифонам.

Увидев эти огромные, гордые создания на небольшой деревенской площади в окружении любопытной толпы, которая дергалась и вздыхала от каждого движения летучих существ, я на мгновение застыла, почувствовав давно забытое волнение.

Столько лет прошло с тех пор, когда в последний раз каталась на грифоне! Но я не забыла.

Белоснежные мягкие перья под ладонями; крепкие сильные руки отца, который держал меня в седле, не давая упасть; тревожная улыбка мамы – она так боялась за меня и просила отца повременить с полетами; ветер в волосах, ощущение полета, напряженные мышцы грифона подо мной и счастливый смех, срывающийся с губ.

– Чего встала? – последовал грубый толчок в спину, от которого я едва не упала и еще сильнее прижала узелок с вещами к груди.

– Видать, оторопела от счастья, – хохотнули другие волки.

– Или со страху.

– Молчать! – выкрикнул командир, заставив их прекратить разговор, а меня вздрогнуть. – А ты иди сюда. – Мужчина подошел к одному из грифонов со светло-бежевым оперением и коричневыми крыльями, похлопал по сиденью рядом с собой.

Выбора не было. Я чувствовала взгляды жителей деревни, слышала их смешки и гул голосов. Как же им не терпелось обсудить эту новость! «Проклятая!» – крикнул кто-то из толпы.

– Пособница Темного бога! – тут же подхватил кто-то другой, но я даже не обернулась.

Надо же, как расхрабрились, раньше за ними такой прыти не наблюдалось. Они даже в глаза мне боялись смотреть, считали, что могу проклясть и украсть душу.

– Проклятая! Проклятая!

Мужчина недовольно оглядел толпу и бросил коротко:

– Разогнать.

– Да, капитан Урли.

Когда через десять минут мы взлетали с площади, на ней никого не было.

Путь оказался сложным и тяжелым. Солнце припекало голову, а злобный ветер на высоте грозился сорвать с седла; приходилось крепко держаться и молчать, даже когда было страшно. К концу полета я не чувствовала своего тела, руки онемели, меня трясло. Но я молчала, даже в туалет не просилась, дождалась привала в середине пути.

Столица нисколько не изменилась за прошедшие годы. Все так же много блеска, шума и контрастов. Богатые дома и особняки с красными крышами соседствовали со зловонными трущобами. Блеск и нищета, отчаянье и фальшивое счастье. В центре древнего города располагался огражденный магической завесой белоснежный дворец императора с золотым шпилем на самой высокой башне, ярко блестевшим на солнце.

Мы приземлись у одного из трех охраняемых входов во дворец, который со всех сторон окружали казармы.

– Тьяна Абремо, – доложил Урли, передавая меня из рук на руки.

В прямом смысле этого слова. Ноги так отекли и болезненно ныли, что я едва не упала на землю. Но меня вовремя успели подхватить стражники.

– Куда нести? – растерянно спросил один из них.

– Внутрь, – ответил волк, направляясь к казарме. – Ее ожидает мадам Силс.

И меня понесли. Я даже не пыталась смотреть по сторонам – и так знала, что увижу: бесконечные зеленые сады, полные диковинных цветов и растений, ухоженные газоны, мощеные дорожки, беседки, статуи из белоснежного мрамора и фонтаны с неглубокими чашами. Поэтому предпочла закрыть глаза и сосредоточиться на собственных ощущениях.

– Это что? – раздался рядом противный женский голос.

– Тьяна Абремо, – сообщили неизвестной, и меня все-таки поставили на землю. – Сказали вам доставить.

В этот раз мне удалось устоять на ногах. Откинув с лица влажные от пота волосы, я взглянула на женщину. Дородная, невысокая, с двойным подбородком и лицом, густо намазанным белилами, с алыми губами, черной мушкой на щеке и густо накрашенными ресницами, которые делали ее глаза-пуговки совсем маленькими.

– Какое убожество.

Я равнодушно пожала плечами. Кто бы говорил.

– В купальню ее, быстро.

Тут же со всех сторон меня окружили десять прекрасных девушек-банщиц. Они отобрали узелок с вещами и слаженно двинулись вместе со мной в сторону больших одноэтажных павильонов, которые располагались с левой стороны.

– Быстрее, быстрее, – пыхтя, командовала мадам Силс, следуя за нами.

Стоило войти внутрь и ступить на пол, покрытый гладкой плиткой, как с меня без лишних разговоров стали стягивать одежду, она рвалась, превращалась в жалкие лохмотья и падала на пол. Когда на мне не осталось ни единого клочка, а волосы были распущены и упали на плечи и грудь, меня подтолкнули к небольшому бассейну, совсем крохотному и неглубокому.

– Залезай.

Кулон никто не трогал. Я видела, как дружно переглянулись банщицы, изучая золотое Древо, как вглядывались в лицо, пытаясь понять, каким образом такой, как я, он достался, но молчали.

Меня скребли и терли мочалками так сильно, словно хотели содрать кожу. Выливали на волосы шампуни, снова и снова заставляли окунаться в бассейн с головой. И опять терли, мыли и пенили. От слишком резкого запаха стало трудно дышать, от голода сводило желудок.

– Ныряй, – скомандовали служанки, и я послушно погрузилась в воду, чувствуя, как теплая вода болезненно пощипывает израненную кожу.

Когда я вынырнула на поверхность, стерла влагу с глаз и отдышалась, не сразу поняла, что обстановка изменилась. Служанки, которые до этого вполголоса переговаривались между собой, замолчали, стало как-то тревожно.

– Ваше высочество, вам не стоит… – любезно щебетала мадам Силс, пытаясь угодить гостю или гостье.

Я дернула головой, обхватила плечи руками и попыталась хоть как-то укрыться от любопытных глаз. Хорошо, в бассейне было много пены, я погрузилась в воду почти по подбородок и только потом решилась посмотреть на вошедших.

– Так вот ты какая, – медленно произнесла одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видела.

Светлокожая от природы, с легким естественным румянцем, которого не добиться искусственно, с ямочками на щеках и золотистыми локонами, украшенными драгоценными камнями. Ярко-синие глаза презрительно меня рассматривали, стараясь не упустить ни одной детали.

– Дочь той самой Микеллы Абремо, – продолжила она.

Голос у нее был под стать внешности: тихий, мелодичный и очень красивый.

Но я продолжала упрямо молчать. Принцесса Этель нисколько не изменилась за эти годы. Все такая же раздраженная злобная кукла. Я помнила, как она расцарапала мне до крови лицо, когда я отказалась отдать ей свою игрушку.

– Ну, здравствуй. – Алые губы злобно оскалились. – Сестричка.

Вот только этого мне не хватало.

– И сколько невинных душ ты успела сожрать на радость Темному богу, пока волки не привезли тебя сюда? – не дождавшись моего ответа, задала вопрос принцесса.

О, как она ликовала и гордилась своим превосходством, насаждаясь мгновением, когда могла унизить меня и втоптать в грязь!

Я ведь отомстила ей тогда за царапины на лице, из-за которых болезненно ныла кожа и было сложно есть. Любое неловкое движение – и раны открывались и начинали кровоточить. Но и я не осталась в долгу. Прокралась в спальню, где отдыхала после обеда царственная особа, и отрезала ее золотистые кудряшки, которым когда-то очень завидовала. Не все, конечно, а только те, до которых смогла дотянуться. Но зато под самый корень, едва не захлебываясь от рвущегося наружу смеха.

От родителей мне тогда сильно досталось. Папа никогда не поднимал на меня руку, но в тот момент его глаза так горели, что я думала – еще немного, и он не выдержит. Остановила его мама. Бесшумно подошла сзади, обняла и что-то тихо прошептала на ухо. Всего пару слов, но это помогло, и я отделалась тем, что меня на месяц лишили сладкого. Это меня нисколько не огорчило. Месть была намного слаще.

Он этих воспоминаний ко мне вернулась уверенность.

Хмыкнув, я начала медленно подниматься и встала в полный рост. Вода была мне по пояс, холмики грудей, которые не смогли скрыть волосы, обнажились. Тонкие ручейки стекали по лицу, шее и груди, терялись в мутной мыльной воде. Я слегка наклонила голову, исподлобья изучая солнечную принцессу, оскалила зубы в жесткой усмешке и тихим, глухим голосом поинтересовалась:

– Ты хочешь предложить свою душонку?

Нельзя так шутить, опасно и неблагоразумно, но удержаться я не смогла и с удовольствием наблюдала, как вытянулось лицо Этель, как она дрогнула, отступила на шаг назад.

Я знала, что принцесса в курсе того обмана, который сломал мою жизнь, но все равно девушка отшатнулась, оступилась, снедаемая страхом, который усилили тихие вскрики слу-

жанок, метнувшихся от меня, как от прокаженной. Отчасти именно такой я и была. И давно научилась пользоваться этим себе во благо.

– Тебе не запугать меня, отродье. Огонь Сайрона на моей стороне!

– Отродье? – насмешливо переспросила я, водя подушечками пальцев по воде и разгоняя пену на сотни мелких пузырьков. – Разве не ты только что назвала меня сестрой?

– Дочь клятвопреступников не может быть мне родственницей, – фыркнула принцесса и окончательно взяла себя в руки.

Видимо, до этого момента служанки понятия не имели, кого им велели мыть, и сейчас тихий гул пронесся по купальне.

– Клятвопреступники…

– Дочь Абремо…

– Колдеры…

– Проклятая…

– Создание Темного бога…

– Проклятая… проклятая…

На их шепот я не обратила внимания, столько слышала таких разговоров за свою жизнь, что не пересчитать. В данный момент сосредоточилась на принцессе.

– Волки ведь не сказали, зачем император решил призвать такую, как ты? Конечно, не сказали. Никто не знает, лишь самые близкие к отцу люди. Пришло время платить по счетам, отродье. Теперь и ты послужишь благу Империи.

– И что это значит?

– Узнаешь. У меня нет права оглашать волю императора. Я просто хотела убедиться, что слухи не врут. Ты лишь жалкая тень своей матери…

Я вновь опустилась в воду и лениво улыбнулась, наслаждаясь ее смятением. Ведь Этель, направляясь сюда, ждала другого. Думала, что время и невзгоды сломали соперницу, превратили в затравленную деревенщину. Но я сильней, чем они думали. И еще докажу это, когда придет время.

– Расскажи же, что мне неизвестно!

– Дикарка. Безбожница.

– Это я тоже знаю.

– Посмотрим, как ты потом запоешь, – ледяным тоном ответила Этель, развернулась, подхватила парчовые юбки, украшенные золотой вышивкой, и удалилась прочь.

За ней стремительно ретировались остальные слуги, последней выползла мадам Силс. Она посекундно оглядывалась, испуганно вздыхала и сжимала в потной ладошке охранный кулон.

Никто не хотел касаться проклятой. Страх потерять душу был слишком велик. Последние годы, что я провела в городке, к начальнику полиции чуть ли не каждую неделю приходили жалобы с требованием отправить в тюрьму приспешницу Темного. И каждый раз он давал обещание, что обязательно разберется, приходил к нам и просил меня вести себя прилично.

– Арестовать я вас не могу, сами понимаете. Это приказ сверху. Но народ у нас простой, могут и самосуд учинить. Так что не провоцируйте их, Тьяна.

– Я не провоцирую, они просто меня боятся.

– И вы этим упиваетесь.

Прав оказался старый начальник. Не прошло и недели, как меня попытались затащить в кусты. Чтобы снасильничать, а потом придушить и выставить бездыханное тело на всеобщее обозрение на городской площади.

Мне чудом удалось выбраться, и то благодаря тренировкам и умению управляться с ножом.

Я, пытаясь смыть пену, вновь с головой окунулась в мыльную воду. Но она была слишком грязной и жирной.

Передо мной встала проблема – что делать дальше. Ни полотенец, ни, тем более, халата мне не оставили. Мое единственное платье превратилось в жалкие лохмотья. Был еще комплект белья, но не могла же я в нем ходить! Оставалось ждать. Но сидеть в неглубоком бассейне в мыльной воде – то еще удовольствие. Ни поплавать, ни вымыться, ни отдохнуть.

Оглядевшись, я увидела в соседнем зале еще одну купальню, только бассейн был побольше, и вода чистая. А еще там вроде бы никого не наблюдалось.

Думала я недолго. Выбравшись из своей купальни, стрелой переместилась в другую и с наслаждением нырнула, разбрызгивая воду.

Оказавшись на поверхности, с удивлением вытерла лицо.

Соленая? Откуда здесь морская вода? И, самое главное, зачем? Неужели очередное новомодное веянье среди аристократов? Чего только не придумают со скуки.

Если честно, мне было все равно, какая вода в бассейне. Самое главное – большие размеры купальни и глубина.

Я так увлеклась водными процедурами, что не сразу почувствовала чужое присутствие. Это было очень странно. Жизнь научила меня реагировать на каждый шорох, косой взгляд и просто вздох. Но не в этот раз.

Сначала я ощутила прикосновение к ногам. Словно огромный морской зверь проплыл подо мной, задев своими плавниками.

Дернувшись в сторону, осмотрела прозрачное дно, пытаясь понять, что же меня потревожило.

С Этель станется подбросить какого-нибудь гада. Нет, ничего. Кроме меня в бассейне никого не было.

– Странно, – пробормотала, продолжая удерживаться на плаву.

В следующую секунду почувствовала прикосновение к плечу и спине, а затем к бедру. Сопровождалось все это ласковым шепотом неизвестно откуда взявшихся волн.

– Кто здесь?!

Краем глаза заметила движение у темной ниши и повернулась всем телом. Там точно кто-то был. Несмотря на солнечный день, я смогла разглядеть лишь контуры сильного мужского тела и тяжело сглотнула, понимая, какое у меня сейчас невыгодное положение.

– Кто вы такой?

Глава 2

Снова шорох, на этот раз сзади, возле входа. Кто-то явно пытался обойти меня с тыла. А если он не один? Если их много? А я без одежды, оружия и хоть какой-то защиты посреди глубокого бассейна… но моя интуиция спала. Словно это был и не человек вовсе.

Неужели сам Темный? Надоело ему, что я прикрываю его именем свою израненную душу, и пришел покарать глупую девчонку. Легенды говорят, что в темном остроге дева может жить веками, ублажая своего властелина. А если натворит что-то, кара будет так велика, что смерть покажется избавлением. Воображение рисовало образ жуткого чудовища, нагоняющего страх на каждого, бездушной твари, желающей только одного: убивать и крушить все подряд.

На груди полыхнул жаром кулон, и я, не думая, накрыла его ладонью. Надо же, в первый раз за десять лет отозвался. Я думала, остыл давно, ведь обряд третьей ступени жизни мне так и не дали пройти.

И вроде бы надо радоваться, но не получилось. Что же могло разбудить кулон, что такое страшное он почувствовал? Кто тот человек, стоящий в нише и пристально меня изучающий? Я отчетливо чувствовала его взгляд, пробирающий до самых костей.

Страх ледяной волной прошел по позвоночнику, и я едва не выпрыгнула, услышав:

– Вот ты где!

Ко мне, обливаясь липким потом, который стекал некрасивыми ручейками, смывая весь броский макияж, спешила мадам Силс.

– Ты посмотри, куда забралась! Расхозяйничалась тут, как у себя дома. Быстро вылазь!

– Вы сами меня бросили, – ответила ей и снова посмотрела на нишу, которая на этот раз оказалась пуста.

Исчез? Но когда? Почему я этого не почувствовала?

– Ты еще поскандаль мне! Кому сказано, вылезай. Не для тебя тут все приготовлено. А если узнает кто? Мало ли что этим дикарям в голову придет? А может, и надо тебя им оставить, наигрались бы с тобой, покорнее стала бы.

– Каким дикарям? – переспросила, выбираясь из бассейна и кутаясь в широкое полотенце, принесенное брезгливо осматривающей меня женщиной.

– Делегация в замке гостит с острова Каросса.

– Каросс? – удивилась я.

К сожалению, после смерти родителей я лишилась не только дома, но и учителей, и старинной библиотеки отца. Одной из самых больших в Империи. Моим воспитанием занималась няня, которая старалась, как могла, в меру своих способностей. Именно она рассказывала легенды и сказки нашего мира. Став старше, я начала пропадать в небольшой библиотеке на несколько сотен томов, которая располагалась в ратуше. Но даже этого хватило, чтобы я вспомнила название.

Каросс – большой остров на юге Империи, крохотная точка в водах Великого океана. Беспокойная и независимая провинция, которая наотрез отказывалась беспрекословно подчиняться кому бы то ни было. Остров, живущий по своим законам и правилам, игнорируя всех вокруг. Я видела картинки в большом географическом словаре, читала язвительные комментарии автора книги о быте, одежде и нраве островитян, которые оказались непохожими на имперские. Но в этом и была их прелесть.

А теперь островитяне в Империи. Целой делегацией. Почему мне показалось, что именно это – причина моего приезда во дворец?

Отдадут в жертву? Сомневаюсь. Не для этого император оставил меня в живых десять лет назад.

– Быстрее, шевелись, давай. Повелитель ждать не будет.

– Император? – Я пошла следом за женщиной в первый зал и подхватила с пола свой узелок. – Разве аудиенция назначена на сегодня?

– Она состоится сейчас, – рявкнула придворная, обмахивая себя платком. В купальне было жарко, и мадам едва дышала. – Как только мы тебя оденем и приведем в порядок. Хотя это очень сложно.

Это было странно. Я думала, что меня продержат здесь пару дней, заставят сходить с ума от страха и гадать, какая участь мне уготована.

Меня провели в какую-то комнату, находящуюся совсем недалеко от купален. Отдельный вход, небольшая терраса и милая спальня в лимонно-зеленых тонах.

Там уже ждали три девушки-служанки. Не те, что помогали купаться, а другие, они еще не знали, кто я.

Девушки помогли надеть белье, нижнюю юбку, которая оказалась такой широкой, что едва можно было ходить. Зашнуровали корсет, и я с трудом смогла дышать Надели дорогое платье с золотой вуалью – оно так сдавило грудь, что та стала почти плоской.

Как только с одеждой было покончено, слуги взялись за прическу и макияж.

Лицо обсыпали белой пудрой, пытаясь как-то скрыть мою обветренную загорелую кожу, которая никогда не знала масок, кремов и прочей ерунды. Нарисовали губы и глаза, нацепили мушку. Закрутили волосы щипцами, едва не подпалив кожу. В конце этого обряда, больше похожего на пытку, обсыпали золотистой пудрой грудь, лицо и волосы.

Смотреть в зеркало я отказалась. И раньше не была красавицей, а сейчас, наверное, просто кошмар. Но в стиле императорской аристократии – блеск и фальшь во всем своем великолепии.

– Сделали все, что могли, – сообщила мадам Силс, скривившись.

Ее мой внешний вид тоже не впечатлил.

– А теперь быстрее, император не любит ждать.

В глубину дворца меня повел один из лакеев в белоснежной форме с алыми эполетами и нашивками, напоминающими кровь. Бесконечные коридоры, проходные залы, мраморные лестницы, множество гобеленов, ковров, золото и блеск, от которых слепило глаза. А еще очень много слуг, снующих туда-сюда.

Туфли, что мне вручила мадам Силс, страшно давили, каблуки были слишком высокими, и к концу пути я едва поспевала за слугой. Еще немного, и попросила бы сбавить темп и дать мне передохнуть. Корсет впивался в ребра, с каждым шагом становилось труднее дышать, от пудры чесалось лицо.

– Ожидайте здесь, – произнес мужчина, открывая передо мной дверь.

Я вошла внутрь, сделала пару шагов и застыла статуей, задыхаясь от боли и отчаянья, которые обрушились на меня лавиной.

Прямо напротив двери на стене висел огромный портрет одной из самых красивых женщин нашего мира. Прекрасная наяда с волосами цвета лунного серебра, манящими коралловыми губами, белозубой улыбкой и бездонными глазами, которые могли поспорить яркостью с зеленью Великого леса.

На ней было легкое белоснежное платье, не скрывающее обнаженных лодыжек. Ноги погружены в ручей. Я видела крохотные капельки влаги на ее коже. Казалось, что время остановилось, еще немного, и девушка сойдет с картины, чтобы поприветствовать меня.

Именно такой я ее запомнила, именно этот образ хранила в сердце. Самая красивая наяда, один взгляд на которую мог свести с ума.

Герцогиня Колдер.

Моя мать.

Надо же, как один портрет может лишить покоя, сбить с толку, внушить неуверенность и взвинтить до предела!

Император ничего не делал просто так. Никогда. И то, что меня привели именно сюда, в эту комнату, тоже было неспроста.

Что он хотел сказать этим портретом? Что та безумная страсть никуда не делась? Или – что знает все о нашей жалкой попытке спастись?

Я продолжала смотреть в лицо матери, еще счастливой, не знающей, что ее ждет.

Весь мир словно исчез, я забыла о боли, тугом корсете, неудобных туфлях. Просто смотрела, заново знакомясь с дорогими чертами, вспоминая ее тихий смех, улыбку и нежные объятья. То, чего меня лишили.

Мне было известно, когда и по какому случаю создали этот портрет. Подарок верховной жрицы младшей сестре – женщине, которая оказалась слишком своевольной, чтобы следовать чужой указке, и пошла за любовью, не ответив на страсть человека, против которого не могли выстоять даже сильнейшие этого мира.

Пойти против всех, чтобы умереть в один день с любимым. Вместе.

Жалела ли она о своем выборе? Нет. Никогда. Даже тогда, в самый последний момент, крепко обнимая, она шептала, что любит меня, и просила жить. За себя, за нее и за отца.

А жила ли я? Существовала, боясь лишний раз вздохнуть, ожидая прихода красных волков и объявления воли императора, который вроде бы забыл обо мне на десять лет. Постоянная тревога и смирение. Даже сейчас я ничего не могла ему противопоставить.

Убить его – не получится, Око Сайрона бережет своего сына. Убить себя? Наверное, только это и останется. Быстро, резко, уходя от жутких пыток и надругательств.

Я вздрогнула, прогоняя страшные мысли.

Еще ничего не известно, а я уже хороню себя.

Едва слышно скрипнула дверь, нервы натянулись до предела. Как только император сделал первый шаг, я упала на колени, смиренно склонила голову и задержала дыхание, вслушиваясь в каждый шорох.

Каждый шаг, словно удар сердца, которое так громко билось в груди, что оглушало. Столько лет я ждала и боялась этой встречи. Надеялась и оттягивала. А теперь смиренно ожидала приговора.

Потерять меньшее, чтобы получить большее.

Я верила в это. Вера – это все, что мне осталось.

Он подошел совсем близко – я видела кончики его дорогих туфель из дубленой белоснежной кожи, украшенные драгоценными камнями – и замер, изучая мою макушку.

Это длилось всего пару секунд, показавшихся вечностью. Император резко схватил меня за подбородок, заставил поднять голову и показать ему свое лицо.

Подчинилась, но в глаза не смотрела, сосредоточилась на вазе за его спиной. Замерла, давая возможность внимательно осмотреть меня. Пристально, жадно.

Едва слышное проклятье сквозь сжатые губы, и император принялся стирать белоснежным рукавом пудру и краски с моего лица. Быстро, раня кожу, пытаясь разглядеть за этой маской меня настоящую.

А я терпела и ждала.

Стер, добился своего и теперь изучал результат.

Вечность в паре ударов сердца. Наконец, мужчина с шипением оттолкнул меня и отшатнулся. Это произошло так неожиданно, что я едва не упала, но успела вовремя опереться на руки и впервые взглянула на него.

Гордый императорский профиль был выбит на всех монетах, его статуи стояли в каждом городе, а портреты украшали площади во время великих праздников. Но в реальности он производил совсем иное впечатление. Высокий, уже оплывший, утративший былую жилистую фигуру. С небольшим брюшком, которое не смог скрыть даже широкий халат, расшитый золотыми нитями, сплетающимися на белой ткани в изображения огненных птиц.

Время не пощадило его, когда-то густые черные волосы поредели и засеребрились на висках. Пухлые влажные губы, короткая окладистая борода, крючковатый нос и темные, почти черные глаза. Они сейчас так пристально смотрели на меня, что страх вновь поселился в сердце.

Неужели догадался, и все было зря, а мамина жертва оказалась напрасной?

Мне хотелось сбежать, но я усилием воли заставила себя застыть на полу. Бегство – это не выход, далеко уйти все равно не дадут.

– Так похожа… и такая другая, – наконец произнес мужчина.

Молчать, держаться, ни словом, ни взглядом не выдавать истинных чувств.

Он прав.

Похожа на мать и не похожа одновременно.

Будто взяли ее совершенное лицо и провели по нему губкой, стирая краски, смазывая черты, лишая их притягательности и красоты.

Светло-карие, почти желтые глаза, прямой нос, обычные губы (не пухлые и не тонкие), прямые, совсем не пышные русые волосы. Безликая девушка, каких много в этом мире. Не уродина, но и не дочь одной из самых красивых супружеских пар Империи.

Проклятье за грехи родителей. Только мы оба знали правду.

Мужчина отвернулся и, чуть пошатываясь, подошел к столику, налил вино в бокал, который тут же осушил парой глотков, стоя ко мне вполоборота.

Я видела, как алые капли стекали по бороде, оставляя разводы на белой рубашке. Он пил и смотрел на портрет – зло, отчаянно.

– Вставай! – не оборачиваясь, процедил император.

Подчинилась, подниялась и вновь склонила голову.

– Я пощадил тебя десять лет назад, хотя мог бы отправить на казнь вслед за родителями. Пора отдавать долги. Ты слышала о гибели моей сестры и ее дочери полгода назад?

Кивнула, не решаясь произнести ни слова. Эти смерти наделали много шума. Нападение диких ящеров во время дипломатической миссии, последовавшие за ним стычки на границе и нависшая над миром угроза новой войны, раздуваемой жаждущими кровавых жертв правителями.

– Ты займешь место Маргузы, – произнес мужчина, называя имя погибшей племянницы. – Ведь, несмотря на предательство Арнольда, в тебе все еще течет императорская кровь.

Он снова начал пить. Глотал вино, как воду, и смотрел на мамин портрет. Словно ожидал, что тот сейчас оживет и остановит его. Но мама молчала и с улыбкой глядела на нас. Вот только улыбка больше напоминала оскал.

– Во дворце находится делегация с острова Каросс, у нас давнее соглашение, которое сейчас особенно важно. Империи нужны союзники в грядущей войне. Ты станешь залогом будущего и даром прошлого.

Я продолжала молчать, зная, что следующая фраза мне не понравится.

Император повернулся, на его когда-то красивом лице играла безумная улыбка.

– Выйдешь замуж за главу их дипломатической миссии.

– Замуж, – хрипло повторила я, забыв обо всем на свете, и об осторожности в том числе.

Конечно, как бы мне ни было трудно, я, как и любая девушка, думала о том, какой будет моя жизнь. Даже пару раз позволяла себе помечтать, как некая неведомая хворь свалит императора и его детей, а на трон взойдет кто-нибудь другой (очередь была большой и весьма разношерстной, когда-то в ней имелось место и для меня). Родителей оправдают посмертно, меня оставят в покое, и жить станет легче. Но даже в самых смелых фантазиях я никогда не видела себя замужней. Семья, брак и тем более дети – не для таких, как я. Никто не захочет связывать себя с проклятой, несостоявшейся наядой, связь с ней может обойтись слишком дорого.

И теперь эта новость – как гром среди ясного неба. Брак, да еще с островитянином, дикарем, которого ни разу в жизни не видела. Его мир и образ жизни были для меня загадкой, полной мрачных и интересных тайн.

– Надо же, оказывается, ты и говорить умеешь, – язвительно произнес император. – Еще немного, и я бы поверил, что ты немая. Да, замуж. У Империи с Кароссом древний договор, который выполнишь ты. Поверь мне, Тьяна, на тебя были другие планы, совсем другие. Но Сайрон решил по-своему. Маргоза мертва, Этель слишком важна, из ближайших родственниц остаешься лишь ты. Да, есть еще Ферроу, младшая сестра Маргозы, но ей всего десять, а долг надо отдать уже сейчас.

Долг? О каком долге он говорит? И как с этим связано мое происхождение?

Император молчал, ожидая ответа, который все равно ничего не изменил бы.

И что я должна была сказать? Упасть на колени с воплями: «Спасите, помогите, не хочу?!» Ведь если отбросить в сторону удивление, то уехать из Империи, из-под грозного ока правителя, даже хорошо. Больше шансов спастись. А муж… С ним можно будет договориться. Я очень на это надеялась, в конце концов, если он захочет заполучить наследника, ему придется пойти на уступки. Пусть я не была наядой, но два круга пройдено, и условия соблюдены.

– На все ваша воля, мой повелитель, – ответила приглушенно.

– Смиришься и даже не станешь возражать?

– Моя жизнь в ваших руках.

К моему большому сожалению.

Стакан с грохотом опустился на стол, что заставило вздрогнуть и еще сильнее напрячься. Сейчас можно было не прятать эмоции и чувства.

– Я помню, какой ты была десять лет назад. Независимая, своенравная и непокорная. Помню, как разбила нос Ремалю и отрезала волосы Этель. Не боялась моего гнева и гнева родителей.

– Годы меняют каждого.

Как и испытания, выпавшие на долю восьмилетней девочки. Жизнь впроголодь, в холоде, в жутких условиях. То, что должно было сломать, уничтожить. Или закалить, как сталь.

Страшно подумать, что бы со мной стало, если бы не няня, которая на свой страх и риск решилась остаться с опальной племянницей императора.

– Но кровь Сайрона сильнее. Кровь, текущая в твоих жилах.

Кровь? Что она дает, кроме неприятностей?

– Ее слишком мало, – ответила я. – У меня нет титула, родных и положения. Нет ничего. Я обычная жительница Империи, которая готова служить своему повелителю.

Мужчина приблизился, вновь схватил меня за подбородок, впился ногтями в кожу.

– Почему я не верю тебе?

– Не могу знать. А вы уверены, что посол захочет взять в жены дочь предателей?

– Ему важна лишь твоя кровь.

Снова кровь. Никогда не слышала, чтобы она что-то значила, и родители никогда не упоминали о ее особенностях, больше говорили о роли наяд в моей жизни.

Интересно, почему в голове сразу возникли картинки кровавого обряда? Мое обнаженное тело на жертвенном камне и алые брызги вокруг. Хотя книги утверждали, что учение Каарха не признает кровавых жертв, но мало ли что островитяне творят за закрытыми стенами своих замков…

– А как же проклятье? – попыталась отказаться от почетной должности жертвенного агнца.

– Я буду рад, если Сандер падет от его силы и умрет в страшных муках, – равнодушно ответил мужчина, отпуская мой подбородок и снова подходя к столу. – Но ведь смысл проклятья не в этом.

Сандер. Значит, так зовут моего будущего супруга.

– Свадьба состоится сегодня на закате. Тебя подготовят к обряду.

Надо же, какая поспешность. Чтобы я не сбежала или он?

– И я должна буду уехать с мужем на Каросс? – осторожно поинтересовалась, смирившись с неожиданным будущим. По крайней мере, на время.

– Да, и провести там остаток своих дней.

– Я могу взять с собой няню?

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я поняла, что делаю.

– Няню? – удивленно переспросил император, разворачиваясь ко мне.

– Да. Хельга Тойс, та женщина, которая растила меня.

– Ах, эта. Зачем она тебе?

Темные глаза зловеще вспыхнули на смуглом лице. Как же хотелось замолчать, но было уже поздно. Я сама виновата в том, что проболталась. Новость о браке так удивила, что я забыла об осторожности, и вот результат.

– Она моя семья.

– Семья, говоришь? – улыбнулся император, и я едва не застонала от ужаса, окончательно поняв, как сильно ошиблась.

Дура! Нельзя было открывать ему свои карты. Нельзя было показывать слабое место, по которому можно ударить. Я сама дала ему в руки нити, за которые меня можно дергать как марионетку.

– Она останется здесь. А если ты хочешь, чтобы твоя нянька была живой, здоровой и жила в богатом доме с кучей слуг, сделаешь то, что я скажу.

Ради нее я была готова на многое, если не на все.

– И что я должна сделать?

– Убить Сандера ты все равно не сможешь, твоя участь предрешена. Но вот рассказывать мне, что творится на острове, сможешь.

Из его фразы я узнала сразу две важные вещи. Первая – у меня уже есть какая-то предрешенная участь, видимо, не очень радостная, а вторая новость состояла в том, что в живых меня в любом случае оставят. Мертвые – плохие доносчики.

– Вы думаете, мне позволят отправлять вам сообщения и никто не заметит? Сомневаюсь, что будущий муж не предвидит такой возможности.

– Он не так всесилен, как считается. Так ты согласна?

Этот вопрос столь часто задавался сегодня, что я потеряла счет этим «согласна».

– Мне нужны гарантии, что с няней ничего не случится.

– Даю слово.

И он думает, я ему поверю, особенно после того, что произошло? Слово? Он уже не раз нарушал его и будет нарушать дальше.

– Слово императора, которое можно легко дать и легко забрать назад, – произнесла я и покачала головой. – Нет.

– Надо же, как ты заговорила, сбросила маску деревенской дурочки. Я читал отчеты о тебе. Так что играла ты зря. Я знаю, какая ты.

Подозревала ведь, что за мной следят, но не думала, что императору так интересна моя жизнь. Ведь ничего примечательного в ней не было. Сплошное выживание.

– Я ведь могу заставить тебя действовать по своему желанию, – перешел повелитель к угрозам.

– Можете, но сегодня к закату послу нужна жена с императорской кровью. Живая и здоровая. Да, я буду сообщать вам о ситуации на острове, но при этом должна быть уверена, что с няней все хорошо. Что она жива, здорова и ни в чем не нуждается.

– Торгуешься?

– Пытаюсь выжить, как выживала все эти годы.

– Что Микелла сделала с тобой? – вдруг резко спросил император, снова сменив тему разговора и прищурившись. – Это ведь твоя мать прокляла тебя.

– Предательство и почитание Темного бога.

– Мы с тобой оба знаем, что Арнольд не участвовал в заговоре, – оборвал он, перекратив игру.

И фактически признался в том, что осознанно замучил ни за что в Башне смерти, а потом казнил своего брата и его жену на глазах маленькой дочери. Сбросил маску и предложил мне сделать то же самое.

– Столько лет прошло, – пошла на попятную, не желая обсуждать эту историю.

Еще неизвестно, куда заведут такие откровения. За сомнения в справедливости императора и закона казнить могут. И пусть разговор начал император. Главное, как на него реагировать.

«Следи за словами, Тьяна… следи».

– Я была совсем ребенком, – быстро продолжила, не дожидаясь его ответа и новых откровений. – Всего восемь лет.

Восемь лет и один день.

Красные волки пришли, когда праздник по случаю моего дня рождения еще не успел отгреметь. Этот жуткий контраст не давал мне покоя и сейчас.

В тот день на мой праздник были приглашены не только отпрыски знати, поместья которых находились недалеко от нашего замка, но и дети слуг и арендаторов, с которыми я прекрасно ладила и играла целыми днями. Конечно, многим это не нравилось, но спорить с герцогиней мало кто решался.

– Помни о том, что все мы создания богов, – говорила мама, присаживаясь передо мной на колени. – У всех есть чувства, желания и мечты вне зависимости от положения и статуса. То, что здесь, – она осторожно положила ладонь туда, где билось мое сердечко, – намного важнее блеска золота и драгоценных камней.

Я до сих пор помнила вкус того торта с воздушным кремом из взбитых сливок, нежным бисквитом и вишневой прослойкой с легкой кислинкой. Помнила, как сладкая шипучка горела на губах и во рту, щекотала нос и пузырилась в бокалах, а мы смеялись – громко, заразительно. Помнила гору подарков в блестящих коробках с огромными бантами, которые мне так и не удалось открыть. Папа нежно обнимал маму, и они с улыбками наблюдали за шумной бегающей детворой.

– Но ты не забыла.

– Факт участия в Заговоре пятнадцати был доказан. Суд вынес приговор, который привели в исполнение.

Император коротко рассмеялся, не желая оставлять опасную тему.

– Суд? Ох, Тьяна, хватит играть, я все знаю. Ты ведь ненавидишь меня и много лет вынашиваешь план мести. Хочешь убить.

– Это невозможно, – спокойно отозвалась, не пряча взгляда.

– Да, – мужчина коснулся груди там, где было надежно скрыто под одеждами Око бога. – Эта вещь все усложняет, не так ли? Ты ведь не ответила на мой вопрос, Тьяна. Что Микелла с тобой сделала?

– Не знаю, – пожала плечами. – Почти не помню те дни. После их ареста я две недели пролежала в горячке. Все считали, что я не выживу. Лишь молитвы и помощь няни вернули меня из-за грани. А когда пришла в себя, оказалось, что болезнь забрала мою внешность, украла краски жизни, сделала такой.

Серой, безликой, пустой. Один взгляд на меня побуждал мужчин против воли морщиться и отворачиваться. Не потому, что так уродлива, из-за проклятья.

«Прости меня, милая. Ты поймешь, я верю, что поймешь. Так надо… он не остановится. Страшный, жуткий человек… Я должна тебя уберечь. Пусть так, но должна… Помни, что всему есть причины. Все можно вернуть…»

– Лжешь, – вырвал меня из воспоминаний голос императора. – Но это уже неважно. Возвращайся к себе в комнату. Тебя проводят. Документы скоро будут готовы. Их принесут перед обрядом и дадут внимательно ознакомиться.

– Да, мой повелитель, – я попятилась назад, путаясь в длинной юбке и шатаясь на неудобных каблуках.

Развернулась и поспешила к двери, желая оказаться как можно дальше от этого человека.

– Тьяна, – его голос нагнал, когда я почти вышла. – Помни, что даже на Кароссе я смогу найти тебя. У меня хватит людей и возможностей для того, чтобы тебя уничтожить, прежде чем искупать в собственной крови старую няньку. Так что не думай, что сможешь обмануть меня, скрыться и зажить счастливой жизнью. Я тебе не позволю.

Я знала.

За дверью ждал все тот же лакей. Он молча проводил меня в комнату с большой террасой и окнами на императорский сад и так же беззвучно удалился.

В комнате никого не было. Надо же, они совсем не боятся, что я сбегу или что-нибудь с собой сделаю.

На столике стоял большой поднос, заставленный тарелками с едой. Призывно заурчал желудок, напоминая, что мне сегодня не удалось толком поесть. Ту жидкую кашу на воде, сваренную для себя и няни, трудно было назвать едой.

Прежде чем накинуться на обед, я сбросила туфли (платье из-за корсета и шнуровки на спине самостоятельно снять было невозможно), проверила блюда на яд и наркотики.

До заката оставалось часа четыре.

Утолив голод, но постаравшись не переедать – так и желудок заболеть может – вытерла руки о белоснежную салфетку и забралась в постель. Кожа на лице еще чесалась, хотя не так сильно, и я безжалостно сняла остатки пудры рукавом платья.

Перина оказалась очень мягкой и так отличалась от твердой лавки, на которой пришлось спать последние годы, что я с тихим стоном вытянулась, наслаждаясь блаженством.

Сложив руки на животе, уставилась в потолок, пытаясь понять, как жить дальше. Только выбора не было. Свадьба состоится, хочу я этого или нет. Сбежать не получится, да и некуда мне бежать. Стоит только шагнуть за пределы замка, как тут же объявят в розыск, пообещав круглую сумму за мою голову. Няню из лап императора мне сейчас не вытащить, поэтому придется следить за мужем в интересах повелителя. Как бы гадко это ни звучало.

Надо же, как быстро он все понял и обязал меня доносить в обмен на жизнь дорогого человека! Я была не настолько наивна, чтобы подумать о том, что это случайность. Нет, император знал, ведь он сам рассказал о докладах, которые изучал. Знал и ждал, когда я вспомню о няне. А потом поймал меня.

А я еще считала себя умной. Как, оказывается, легко меня вывести из равновесия и сыграть на чувствах!

Да, до императора мне расти и расти.

Примерно через час в дверь постучали, и в комнату вошел уже знакомый мне капитан волков Урли.

– Пакет от императора. Велено прочитать, выучить наизусть и уничтожить, – протягивая мне конверт, сообщил мужчина.

А вот и инструкция.

– Благодарю, – ответила, принимая послание.

Капитан кивнул и уже собрался уйти и закрыть за собой дверь, но неожиданно остановился.

– Завтра утром император сделает вам подарок. Свадебный. Разрешит выбрать одного из королевских грифонов. Не спешите… Дойдите до самого конца кормушек.

– Зачем? – спросила, не понимая, к чему и для чего эта информация.

Но Урли ушел, не проронив больше ни слова.

Закрыв дверь, я вернулась на кровать и открыла конверт.

Первой из него выпала небольшая золотистая бумажка с алым отпечатком. Королевское слово. То самое, которое нелегко забрать назад и сделать все по-своему. Даже уничтожив эту бумажку, клятву с императора я не сниму. Она останется до ее исполнения.

С меня такую клятву брать не обязательно. У него моя няня, а это дороже любого слова.

Еще там был шифр и адрес доверенного человека, которому я смогу передавать донесения. И – очень подробная инструкция на все случаи жизни.

Оставшееся время я провела, запоминая шифр, который оказался совсем несложным.

К моменту, когда служанки пришли готовить меня к обряду, я уже успела уничтожить все в камине, который пришлось разжигать самой.

– Пора, – произнесла мадам Силс, возникнув в дверях.

Глава 2

Брачное платье было традиционного красного цвета и представляло собой обычный отрез ткани с дыркой для головы. Держалось оно на тонких плечиках и большом металлическом поясе на талии. Бока и ноги были обнажены. Здесь даже белье не предусматривалось, платье надевалось на голое тело. Порыв ветра, и я могла остаться обнаженной.

Волосы заплели в тугую косу и сверху накрыли золотой вуалью, призванной скрывать лицо новобрачной. Вуаль держалась благодаря тяжелому венцу с огромным, прозрачным, как слеза, алмазом.

Ноги оставили босыми, но на них надели золотые браслеты, которые при каждом шаге тихо звенели, оповещая о приближении счастливой невесты.

По правилам меня должна была наряжать на свадьбу мама. Именно она должна была наложить на глаза зеленые тени, подвести их черным карандашом, сделав еще больше. Она должна была причесать меня и надеть на голову венец, едва слышно напевая ритуальные песни, желая мне счастья, любви, процветания и здоровых деток.

Все могло бы быть по-другому. Рядом не было бы недовольной мадам Силс, которая смотрела на меня, как на кусок грязи, не было бы этой звонкой напряженной тишины, нарушаемой лишь шорохом одежды.

А пройди я третий круг жизни у Великого Древа, проводился бы другой ритуал. Огненный бог отступил бы, отдав меня на милость Зеленому божеству Вечного леса.

К свадьбе меня готовили бы наяды – прекрасные лесные нимфы. Те, что могли жить вечно и оставаться красивыми долгие столетия, пока не встретят того, ради которого захотят отринуть прошлую жизнь и стать смертными, любимыми и счастливыми. Брак для наяды – великое событие, лишь истинная любовь могла заставить нимфу решиться на такой поступок.

Мои волосы украсили бы венком из ароматных хмельных цветов, тело облачили бы в тонкий белоснежный шелк, который почти не скрывал бы обнаженной кожи, коралловых вершинок груди и темного треугольника внизу живота.

Солнце уже зашло бы, и наш путь освещали бы лишь факелы и стайки крохотных светлячков. С избранником мы произнесли бы клятву у Великого Древа, густая крона которого уходит под самое небо. Жрица скрепила бы наш союз кровью и позволила провести первую ночь у корней Древа.

Там, в высокой траве, под звездным небом, скрытые от любопытных глаз, под песни сестер я стала бы женой того, кого любила больше всего на свете, даже больше жизни. Именно там мы дали бы начало новой жизни, зачав следующую наяду, благословленную Лесными духами и богом.

Проклятье и дар всех нимф – способность рожать лишь дочерей, послушниц Зеленого божества.

Но я не наяда, третий круг мне пройти так и не дали, чем обрекли на одиночество и боль.

«Не прощу ее! Никогда не прощу!»

– Пора, – громко произнесла женщина, вырывая из тяжелых воспоминаний.

Меня весьма грубо подтолкнули к выходу и повели в часовню, которая располагалась совсем недалеко.

Кого я точно не ожидала увидеть, так это стоящего у входа в храм наследного принца Ремаля. Встретившись с ним взглядом, я невольно замерла, почувствовав себя обнаженной и беззащитной, и придержала ткань на бедрах, не дав ей распахнуться.

– А вот и невеста, – фальшиво улыбнулся принц. – Здравствуй, дорогая кузина.

Говорят, его матерью была принцесса-ящер, которую двадцать лет назад император захватил во время похода и изнасиловал. Конечно, родство никем не подтверждалось, и любая

мысль о подобном жестоко каралась. Официально Ремаль был сыном первой жены императора, которая умерла вскоре после родов, или ей помогли умереть, чтобы она не сболтнула лишнего. Ящеры являлись врагами, и наследник императора просто не мог оказаться одним из них.

Но, глядя в его темные глаза, я видела в их глубине красные всполохи. И это был не божественный огонь Сайрона, призванный дарить тепло и оберегать. Нет, это был безумный блеск навеки запечатанного внутри хищника.

Полукровки не могли оборачиваться. Именно поэтому ящеры отказались от принца, отдав его на милость завоевателю.

Но это тоже слухи. Доказать их правдивость никто не мог.

– Так это тебе выпала честь сопроводить меня к алтарю? – спросила, подходя ближе.

Он вырос и изменился. Из прыщавого сутулого подростка, который обожал дергать меня за волосы, щипать и подставлять подножки, Ремаль вырос в красивого худощавого мужчину с острым лицом, прямым носом и чувственными губами. Его чуть волнистые черные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб.

Красив и порочен.

А еще очень опасен и коварен.

– Ты же наша родственница. По крайней мере, на ближайшие пару часов – для посла и его свиты. Раз отец будет проводить церемонию, на меня возлагается обязанность сопровождать тебя.

Я огляделась и внезапно поняла, что на площадке перед храмом мы остались совсем одни.

– Этель сказала, что ты утратила красоту и очарование наяд, стала блеклой тенью Микеллы, – всматриваясь в мое лицо и пытаясь пробраться взглядом под золотистую вуаль, произнес он и протянул руку, словно хотел сорвать с меня кисею.

От него удушливо пахло кровью – или это всего лишь игра моего воображения?

– Об этом все говорят.

– Проклята родной матерью. Сильнейший заговор из существующих, обратить его действие вспять не под силу никому. Интересно, зачем она это сделала?

– Не знаю.

«Хотела спасти от вас, от той участи, что ждала меня, когда я стану старше… От того, чего так и не смогли получить от нее».

– Император ведь показал тебе портрет Микеллы?

Я еще крепче стиснула ткань накидки, но не ответила. Ремаль усмехнулся.

– Запретная страсть. Наяда, что предпочла ему, вершителю судеб, незаконнорожденного брата. Отец ведь до сих пор ее любит.

– Мне об этом ничего не известно.

– Все его последние любовницы – зеленоглазые беловолосые девушки. Жрица до сих пор не потеряла надежды на союз, каждый год присылает новую наяду. Они посговорчивее твоей матери.

Наверное. Родить дочь от императора, получить славу, деньги и почет. О чем еще можно мечтать? Разве что о любви.

– А какие надежды он возлагал на тебя, – вкрадчиво произнес принц, подходя ближе и поднимая вуаль.

Я замерла, позволив Ремалю увидеть мое лицо. С мучительным удовольствием наблюдала, как, ведомый проклятьем, он отшатнулся и закрыл глаза.

– Значит, правда. Жаль. Давай руку, скоро закат, нас уже давно ждут.

Уже не боясь, я протянула ему ладонь и пошла следом.

Часовня была небольшая, но очень красивая. Стены, пол и конусообразный потолок из сверкающего белоснежного мрамора. Четыре статуи богов соответствовали четырем частям света и были созданы из мрамора соответствующих цветов – Красный бог огня Сайрон, Зеле-

ный бог жизни Древ, Синий бог воды Каарх и Желтый бог неба Воргун. Не было здесь лишь пятого бога. Того, кого не стоило даже упоминать. Идолы Темного ставились лишь в храмах ящеров, которые почитали его как главного. Ведь именно он дал им возможность оборота, превратив в злобных чудовищ.

Но не статуи привлекли мое внимание.

У сверкающего алтаря стояли император и мой жених. Чуть в сторонке – Этель, которая не сводила с мужчины задумчивого взгляда, и группа островитян.

Я мельком посмотрела на них и сосредоточилась на том, кому было суждено стать моим мужем и увезти прочь отсюда.

Раздался перезвон ножных браслетов, и он обернулся.

Высокий, гораздо выше остальных, широкоплечий, с длинными черными волосами, собранными на затылке. Смуглый, с легкой щетиной на подбородке и пронзительными глазами цвета морской воды. Никогда таких не видела, будто сам океан ожил в его сердце и отразился в радужке. Одет он был тоже не по правилам: черные штаны, жилет, обнажающий сильные накачанные руки.

– Ну, наконец-то, – сухо произнес император, наблюдая за нами, в то время как Сандер не произнес ни слова. – Закат уже совсем скоро. Пора начинать.

– Одну минуту, – вмешался один из свиты, седовласый мужчина невысокого роста с жутким шрамом на лице. – Мы должны убедиться.

– Моего слова вам мало? – зловеще спросил повелитель.

– Существует порядок, – покачал тот головой. – И правила. Девушка, дайте вашу руку.

Ремаль отступил на шаг, а я, наоборот, шагнула вперед, протягивая ладонь старику, но ее внезапно перехватил жених. Притянул к себе, заставил подойти еще ближе, достал другой рукой нож и одним легким движением проколол мой палец.

– Ох! – только и успела выдохнуть, наблюдая за выступившей красной капелькой.

Дальнейшее произвело на меня неизгладимое впечатление. Мужчина вдруг наклонился, быстро слизнул кровь (клянусь, на долю секунды я увидела, как красный огонек вспыхнул в его глазах) и тихо произнес чуть хрипловатым голосом:

– Императорская кровь. Невинна. Брак будет заключен.

Вот, оказывается, как. И врач с унизительным и болезненным осмотром не нужен. Попробовал каплю крови – и сразу все известно. Кто, где и с кем. Точнее, ни с кем и никогда.

Нормальная девушка должна была испугаться, отшатнуться, охнуть или красиво упасть в обморок. Хоть как-то показать свое чрезмерное удивление вперемешку со стыдом. О таких вещах не говорят вслух в присутствии стольких людей. Это, по крайней мере, неприлично.

Но кого волнуют приличия, когда заключается брак дочери предателей и дикаря с независимого Каросса?

Я же просто стояла, смотрела на моего будущего мужа и молчала. Через вуаль Сандер разглядеть меня не мог, а вот я получила отличную возможность изучить этого странного мужчину. Ведь другой возможности просто может не быть.

Красив? Сложно сказать. Не смазлив и совершенен, как Ремаль. Нос слегка искривлен, скорее всего, был сломан, и не раз. Густые брови, четко очерченные губы, упрямый подбородок.

Некрасив, но притягателен, интересен. И еще эти глаза. Невероятные, невозможные. Нечеловеческие.

– Раз все решено, то медлить больше нет смысла, – раздраженно произнес император, привлекая к себе внимание.

Мы подошли поближе к алтарю, жених все еще сжимал мою руку, словно боялся, что я сбегу или просто исчезну, растворюсь в воздухе.

Темные глаза императора пристально наблюдали за нами. Что-то странное промелькнуло в них, будто он хотел отменить брак. Но еще мгновение, и все вернулось на круги своя.

Обряд начался, и все смешалось, завертелось перед глазами. Слишком быстро, чтобы я запомнила. Или, может, сознание специально уберегало меня, не давая сосредоточиться.

Священный огонь, безболезненно опаливший наши соединенные руки. По крайней мере, мне точно было не больно, а мужчина нахмурился и сжал зубы. Островитяне издревле поклонялись Синему богу, тот давал им пищу и спокойную жизнь.

Искры огня, играющие на наших руках, рисующие алым пламенем магические узоры и гаснущие, ярко сверкнули напоследок.

Клятва верности, во время которой как-то странно и ехидно хмыкнула Этель. Я не ждала от мужа верности, понимала, что это бессмысленно. Но зачем же хмыкать так откровенно?

Терпкое вино, которое горчило на губах, и вспыхнувшая следом жажда совсем иного порядка. Огненным пламенем беснующаяся в крови, узлом закручивающаяся внизу живота, сбивающая дыхание и нарушающая биение сердца. Желание.

– Перед лицом всех богов ваш брак считается заключенным, – разведя руки в стороны, провозгласил император.

Поцелуя, который должен был скрепить наш союз, не последовало. Муж даже не захотел убрать вуаль, чтобы заглянуть в лицо новобрачной. Сдается мне, ему просто все равно.

Может, это и к лучшему. Не хотелось бы сейчас при всех увидеть, как его лицо кривится от гнева и разочарования. Нет, так хорошо.

– Клятва исполнена, – провозгласил седой мужчина.

– Как и было обещано, – сухо ответил повелитель, опуская руки.

– Возвращайтесь в свою комнату, – неожиданно грубо велел муж, даже не удосужившись посмотреть в мою сторону.

Романтично-то как.

Каким будет следующий приказ? Ложись, раздвинь ноги и расслабься? Я не настолько наивна, чтобы не знать, что происходит между мужем и женой за закрытыми дверями спальни.

Но жена должна быть послушной и кроткой. Хотя бы первые дни. А тут счет вообще шел на минуты. Так что характер показывать не стоило, тем более при императоре, который пристально смотрел на нас.

– Да, господин, – добавив в голос максимум послушания, произнесла я и склонила голову.

После чего развернулась и медленно двинулась в сторону двери, каждую секунду ожидая, что меня кто-нибудь остановит. Но этого не произошло.

Сумерки уже спускались на столицу, стало прохладнее, звуки стихли. Но плитки так сильно нагрелись за день, что оставались под босыми ногами теплыми.

Я направилась к комнате, морщась от бряканья браслетов. С таким же успехом можно было повесить колокольчик себе на шею.

Хорошо, идти было недалеко.

Почти вбежав в комнату, захлопнула дверь и замерла, не зная, что делать дальше. Не было мамы, встречающей меня у входа, расплетающей косу и дающей благословение и напутствие.

Одна. Лишь тусклый свет от свечей на столе.

Раздеваться и тем более переодеваться нельзя. Платье ритуальное, создано для того, чтобы мужчинам было удобно. Задрал подол, сделал свое дело – и свободен.

Ноги едва не подкосились от ужаса, когда смысл произошедшего стал до меня доходить.

Дрожащими руками я стащила вуаль и венец, бросила на пол, медленно опустилась на ковер, обхватила плечи руками.

Храбриться, мысленно проклинать врагов и шутить над своим новым положением я могла сколько угодно. Какой бы сильной я ни была, эта ночь все равно внушала страх и трепет.

Первая. Брачная.

А неизвестность пугает и тревожит.

Но сидела я так недолго. Как только первый страх прошел и волнение улеглось, подняла с пола венец, встала, поправила платье и застыла, ожидая прихода мужа.

Лучше встретить его так. Лицом к лицу.

Меня хватило лишь на полчаса. Потом ноги затекли и заныли. Пришлось перебираться на кровать. Села, примерно сложила руки на коленях, гипнотизируя взглядом дверь.

Прошло еще полчаса.

Надо же, как загулял мой дорогой супруг.

Когда часы на главной башне пробили полночь, сил ждать и нервничать уже не было. Я даже немного разозлилась и уже сама захотела, чтобы все произошло как можно быстрее. Ожидание убивало, нервировало и давило.

За это время я о многом успела подумать.

О том, что именно Маргузу холили, лелеяли и берегли для этой свадьбы. И когда она погибла полгода назад, осталась лишь я. Этель точно не могла стать женой Сандера и исполнить какой-то там не известный мне договор. О любовниках принцессы слухи доходили даже до нашего захолустья.

Следующим пунктом была кровь.

Интересно, супруг каждый раз будет ее пробовать? Я слышала о страшных монстрах из древних легенд. Тех, кто заживо высасывал всю кровь из своих жертв, оставляя лишь пустую оболочку. Бледные существа с красными глазами. А у него глаза другие.

Нервное напряжение дало о себе знать. Я сама не заметила, как легла на кровать, свернулась комочком и уснула.

Сны были под стать моим жутким мыслям.

Много крови, целый океан. А я посреди него, совсем одна. Кровь бурлила вокруг, заставляя сердце испуганно сжиматься, а меня – вертеться на одном месте, пытаясь понять, что же такое там на дне. Кровь пузырилась все сильнее и сильнее, пока из глубины медленно не поднялся темный мужчина с глазами цвета моря, тянущий ко мне свои руки.

Крик застыл на губах.

Вздрогнув, открыла глаза и села, прижав руку к груди. Капельки пота застыли на лице, я хотела вытереть их, но внезапно поняла, что в спальне не одна.

Развернулась и тут же замерла, встретившись с пылающим взором своего мужа, который со странным интересом рассматривал мое тело, задержавшись на обнаженных бедрах. Одежда во время сна сбилась, открыв их чуть ли не полностью.

– Доброе… – прохрипела я, лихорадочно кутаясь в простыни, глянула в окно и закончила: – Утро.

– Собирайся. Мы уезжаем.

– Прямо сейчас? – переспросила, облизав вмиг пересохшие губы.

– Прямой сейчас.

– А как же…

Наша ночь, которая уже перешла в раннее утро. Наша свадьба. И так далее. Все происходило слишком быстро и по совершенно непонятному мне сценарию.

– Времени нет. Мы должны отправиться в путь до того как станет слишком жарко, – продолжил муж, изучая мое лицо.

Слишком невозмутимо для того, кто попал под действие проклятья. Ни брезгливости, ни отвращения, ни недовольства. Равнодушное и совершенно спокойное лицо, отрешенный взгляд и ничего, что могло бы показать его истинное отношение ко мне.

– Хорошо, господин.

Я села на кровати, продолжая прижимать простынь к груди, громко звякнули в тишине ножные браслеты, которые так и не сняла ночью, беспомощно огляделась, внезапно осознала свое положение.

– Прошу прощения, но с этим могут возникнуть проблемы.

– Проблемы?

Мужчина впервые обнаружил хоть какие-то эмоции. Сейчас это было что-то, похожее на удивление. Оказывается, робкая жена может разговаривать, здраво изъясняться и даже возражать.

– У меня нет одежды. Кроме ритуального платья, – поспешно добавила я и встала во весь рост, неловко поправляя измявшуюся ткань и убирая с лица волосы, выбившиеся из косы.

Проблема заключалась в том, что я понятия не имела, как разговаривать с супругом и как себя вести. Замужем никогда не была и этого загадочного человека с глазами цвета океана видела всего второй раз в жизни. Честно говоря, он сам вел себя крайне странно.

Про два комплекта белья и сорочку, которые лежали в узелке (он до сих пор валялся у ножек кровати), упоминать не стала. Это же не одежда, в этом на люди не выйти. А я теперь жена видного посла с острова Каросса. Еще бы знать, какие обязанности у меня в связи с этим появились.

– Можно, конечно, и так… – неуверенно оглядела себя.

Без белья, огромные разрезы до самой талии, тонкий алый шелк. Видимо, эта мысль супругу не очень понравилась, потому что он нахмурился и коротко бросил:

– Жди здесь.

После чего развернулся и ушел, плотно прикрыв за собой дверь. Не хлопнув, а именно прикрыв.

Щелчок, и я опять села на кровать, с трудом переводя дыхание.

Он застал меня врасплох. Именно этим я могла объяснить свое нервное и взвинченное состояние. А вот его безразличие задевало.

Ощущение того, что я чего-то не знала, не проходило. Мало того, я помнила про какую-то свою участь и древний договор, обязательный к исполнению даже для императора.

Прошла всего пара минут, дверь вновь скрипнула (я тут же вскочила), и на пороге появился Сандер.

– Держи. – Островитянин протянул мне небольшой сверток с одеждой и тут же отступил назад. – Другого у нас нет, поэтому придется потерпеть хотя бы первое время.

– Спасибо. Я быстро.

– Жду на улице.

Первыми я достала штаны, которые пришлось подпоясать шнурком, сорванным со шторы. Затем белоснежную рубашку, рукава которой оказались такими длинными, что пришлось их закатать, впрочем, как и штанины. Рубашка была очень свободной и хорошо скрывала фигуру, именно это мне и требовалось.

Чистая, удобная, пропахшая океаном одежда. Я поднесла рукав к лицу и вдохнула аромат. Никогда не была у океана, но уверена: именно так он пахнет. Причем эмоции стали такими сильными, что мне показалось, еще немного, и я услышу шум волн и крики чаек, рассекающих безоблачное небо.

Оставалась еще одна проблема. Обувь. Мои стоптанные башмаки выкинули еще вчера, а других не дали. Придется идти босиком.

Времени не было, поэтому косу переплетать не стала, заправила волосы за уши.

Спрятав кулон за воротник рубашки, схватила свой узелок и, как была, выбежала на улицу. Не стоило волновать и раздражать своего мужа. По крайней мере, пока.

– Я готова.

Кивнул и вновь осмотрел, задержал взгляд на босых ступнях.

– Обуви тоже нет?

– Так получилось.

– Племянница императора, у которой нет ни одежды, ни обуви.

Согласна, звучало более чем нелепо.

– Быстро собиралась.

– Ясно, – произнес он, но я не могла отделаться от ощущения, что мужчина мне не поверил, только возражать не стал. – Идем, нас ждут у кормушек.

– Каких кормушек? – едва поспевая за ним, спросила я.

Это еще хорошо, что шли мы по чистой и ровной дорожке. За эти десять лет мои ступни так и не стали грубыми и нечувствительными. Любой камешек или колючка, впившиеся в ногу, ощущались жутко болезненно.

– Император был поистине щедр. И решил сделать племяннице королевский подарок – позволил выбрать любого из его грифонов.

– Какая любезность, – пробормотала я, внимательно смотря под ноги.

– Тебе надо выбрать.

Тротуарная плитка сменилась деревянным настилом, щедро усыпанным свежей травой. Зеленые стебельки, розовые головки клевера, белые ромашки, синие васильки и колокольчики. Дурманящий аромат свежескошенного луга. Для королевских грифонов все самое лучшее: чистейшая вода, свежая зелень и отборное зерно.

Шорох крыльев, скрежет когтей по настилу и тихий клекот.

Мы вошли в самое сердце императорских кормушек.

Я подняла голову и осмотрелась.

Первая мысль: «Соврал ведь венценосный!»

Это были не самые лучшие грифоны. Бесспорно, королевские, элитные, но не лучшие. Самыми дорогими и породистыми считались грифоны с белым опереньем. Чем больше белого, тем ценнее они на рынке.

У тех, что стояли передо мной, каждый в своем отдельном стойле, белыми были лишь головы и массивные шеи. Цвет крыльев, тела и лап варьировались от бежевого до коричневого.

– Самые лучшие образчики для вас, госпожа, – раскланялся передо мной толстый управляющий, на которого босые ноги не произвели никакого впечатления, но мужчина скривился, когда глянул мне в лицо.

– Благодарю, – я оглядела грифонов, ни на ком особо не заостряя внимания.

Грифоны как грифоны. Тренированные, сильные и все как один безликие.

Уже собиралась ткнуть в первого попавшегося, когда внезапно вспомнила слова капитана Урли.

Надо дойти до конца кормушек.

– Я могу выбрать любого? – уточнила, стараясь не смотреть на супруга, который темной тенью застыл в дверях.

Очень знакомой тенью. Уверена, что где-то видела этот разворот плеч и темную мощь, которая шла от него волнами. В голове сразу вспыхнула картинка – таинственная тень в бассейне.

Он? Не может быть. Или может?

– Да, госпожа, – вновь привлек к себе внимание управляющий. – Любого, который приглянется.

– Хорошо.

Я отвернулась от мужа и медленно двинулась вдоль кормушек. Шла дальше и дальше. И чем глубже заходила, тем хуже становились образчики.

– Госпожа, там нет ничего хорошего, – засуетился управляющий. – Не стоит туда ходить.

Но я все шла и шла, не понимая, что именно хочу найти. Сердце стучало все сильнее, ладони вспотели, дыхание сбилось, давая понять, что все не зря. Меня словно тянуло туда. А я привыкла доверять своим чувствам.

Запахи тоже становились хуже. Я сморщила нос, но не отступила, даже не оглянулась, чтобы проверить, идут ли за мной. Тяжелое дыхание управляющего, семенившего следом, я слышала, а вот супруг ступал бесшумно.

…Его я увидела сразу. Белое пятно на фоне общей темноты. Безумный взгляд мертвых голубых глаз и острый клюв.

– Нельзя! Нельзя! – тут же закричал мужчина, увидев, как я шагнула вперед. – Дикий грифон! Нельзя!

Но я его не слышала, сосредоточившись на измученной и израненной птице с изуродованными крыльями:

– Аргус…

Грифон моего отца.

Глава 4

Десять лет и для него не прошли даром. От великолепного грифона, который когда-то вызывал восхищение у каждого, кто на него смотрел, не осталось практически ничего. Разве что остатки былой гордости.

Аргус был необычным грифоном. Дело не только в породистости. Управляющий сказал правду: он был диким.

О том, как юный Арнольд, будучи совсем молодым, отправился на Запретный утес – историческое место обитания диких грифонов – и сумел поймать самого красивого и мощного среди них, ходили легенды. Что в них было правдой, а что вымыслом, не мог сказать никто.

Я хорошо помнила, как часто просила отца рассказать эту историю, а он всегда отшучивался и обещал поведать обо всем, когда стану чуть старше. Но кое-что все-таки отложилось в памяти.

– Он друг, – гладя грифона по мощной шее, произнес отец и рассеянно улыбнулся. – Когда тебе станут рассказывать о том, что самое главное в отношениях с грифоном – это власть и подчинение, не верь. Это не так. Нельзя ломать животных, рушить их сознание, особенно если они дикие, первородные, дети ветра и свободы. Ничего хорошего из этого не получится, Тьяна.

– Но как же? А если он решит сбросить наездника? – не поверила я.

– Он никогда не предаст тебя первым. Грифоны в этом плане порядочней людей.

И вот теперь израненный, но не сломленный Аргус, опустив голову, громко и злобно шипел на меня, не узнавая.

– Не подходите, госпожа. Это дикий грифон. Очень опасный. Давно надо было его убить, но такая порода… Мы используем его для разведения потомства.

Гордый грифон, гроза и гордость империи, теперь служил производителем и содержался в кошмарных условиях. Еще немного такой жизни, и он просто погибнет.

– Почему он не умер? – тихо спросила, не отводя взгляда от покрасневших от ненависти глаз, которые, не мигая, смотрели на меня.

Аргус боялся, но не отступал, только карябал сломанными когтями грязный настил.

– Так госпожа знает?

– Знает о чем? – спросил муж, подходя ближе.

– Дикие грифоны опасны, но если их удается приручить, то они навсегда остаются верны своему владельцу и погибают вместе с ним. Нерушимая связь, древняя. Его хозяина казнили много лет назад, но перед смертью ему удалось освободить грифона. Жаль, не помогло. Он просто лишился рассудка.

«Папа… папочка… в этом весь ты. Спасти всех. Даже ценой собственной жизни».

Разрывать связь грифона и хозяина безумно сложно и очень больно. А для томящегося и измученного пытками в Башне смерти пленника просто невероятно опасно.

– Он волнуется. Надо уходить, – вновь засуетился управляющий.

Аргус захлопал крыльями, пытаясь оторваться от земли, но не смог. Дело было не только в изувеченных конечностях – тяжелые цепи крепко удерживали его у земли, мешая двигаться.

– Госпожа?

– Аргус, – прошептала я, до боли сжимая кулаки. – Аргус, прошу, узнай меня.

А в ответ – хриплое шипение, хлопанье крыльев и злой взгляд.

Не получалось. Грифон меня не узнавал. Ничего не осталось от той яркой счастливой девочки, которую он когда-то знал.

– Ты сделала выбор? – неожиданно спросил супруг, привлекая мое внимание.

Я обернулась, встретилась с ним взглядом.

– Да, – прошептала едва слышно и потом добавила уже громче: – Да. Я хочу его.

– Это невозможно, – тут же замотал головой управляющий.

Его лицо покраснело.

– Это еще почему? Вы же сказали, что по воле императора моя жена может выбрать любого грифона. Она выбрала, а вы тут же пошли на попятную.

– Он дикий, сошедший с ума грифон. Это безумие.

Я сделала еще один шаг, потянулась к рубашке, расстегнула верхние пуговички и достала кулон Древа. Его-то Аргус должен узнать.

– Смотри. Смотри же. Ты умный мальчик. Ты должен помнить.

Я успела увидеть момент узнавания. В пустых глазах промелькнули воспоминание, недоверие и робкая надежда. Грифон дернулся в сторону, тряхнул головой, жалобно заклекотал и вновь взглянул на меня. Склонил голову, пытаясь понять, не обманываю ли я его.

– Это я… правда я… – зашептала еле слышно, смахнув подступившие слезы, а потом обернулась к мужу. – Мы действительно можем его взять?

– Да. Специальная клетка, четыре дополнительных грифона для транспортировки, – отозвался он. – Если ты действительно этого хочешь.

– Да, хочу. Очень, – быстро ответила, прижав руки к груди.

– Тогда идем. Его транспортировкой займутся.

За Аргуса я готова была сделать для мужа все, что угодно. Неважно, кто он и откуда. Чего хочет. Если надо, я и на алтарь лягу без лишних вопросов. Но разве тот, кто помог спасти искалеченного грифона, может быть плохим?

Правда, сообщить ему о своей преданности и благодарности я так и не успела.

– Спасибо вам… большое спасибо. Вы не представляете, как я бла… Ох!

Мы вышли на улицу, и я совершенно забыла о том, что иду без обуви. Поспешила следом, стремясь нагнать мужа и ничего не видя перед собой, и, наступив на первый же острый камешек, громко охнула и едва не упала от острой боли.

– Что с тобой? – тут же спросил Сандер и резко остановился, но не подошел.

– Нога, – только и смогла выдавить, зажмурившись и пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Надо же, такой крохотный камешек, и столько проблем.

– Наступила? – его голос прозвучал глухо.

– Да.

В следующее мгновение меня легко оторвали от земли и понесли вперед. Я уже собиралась выразить безмерную благодарность, когда внезапно поняла, что меня несет отнюдь не муж.

– Я вам помогу, – белозубо улыбаясь, сообщил красавец островитянин с шелковистыми темными волосами, пухлыми губами и серо-голубыми глазами, в глубине которых все-таки промелькнули отголоски действия проклятья.

Но при всем при том он от меня не шарахнулся, не уронил, а благополучно доставил до места – чистой площадки у малого мраморного дворца. Видимо, именно тут поселили делегацию.

– Виттор Ниардо, ваш сопровождающий, – представился красавец, опустив меня на землю, и провокационно скользнул рукой по бедру, от чего я едва не подскочила на месте. – Можно просто Вит.

– Э-э-э, очень приятно, – пробормотала я, отступая, пытаясь найти взглядом мужа – и не находя.

Куда он успел сбежать так быстро? Мне показалось, что я увидела чуть в стороне черную дымку, которая мгновенно растворилась в воздухе.

А еще этот Ниардо… Как-то странно он себя вел. Словно пытался соблазнить. И это при живом-то муже, для которого так важна моя невинность.

– Буду рад служить вам, госпожа, – произнес молодой мужчина, пододвигаясь все ближе.

И это несмотря на проклятье, которое никуда не делось и действовало на него, вызывая неконтролируемое отвращение.

Сумасшедший? Или преследующий какую-то свою непонятную цель островитянин?

Проверка на верность? Какая-то она странная и глупая.

– Спасибо, – буркнула в ответ и отступила на два шага назад. – А где мой супруг?

– У него срочные дела. Но вы можете не переживать. Я буду с вами.

И почему в его словах мне послышался фривольный подтекст?

О чем вообще думал супруг? Крайне глупо оставлять молодую жену один на один с таким красивым мужчиной, который весьма недвусмысленно на нее смотрит.

Что, в конце концов, здесь происходит? И почему у него такой вид, будто так и надо?

– Вы не переживайте, госпожа. Мы знаем, кто вы, – вдруг сообщил Вит.

Но я тоже не дурочка, поэтому поинтересовалась в ответ:

– И кто же я?

– Наследница, – прозвучал едва слышный ответ.

– Осторожнее, господин Ниардо, десять лет назад подобные речи стоили жизни пятнадцати главам видных семей Империи. А шестнадцатую семью вообще ликвидировали, – отозвалась я едва слышно.

– Но вы живы.

– И у этого есть причина. А вот ваши речи на территории дворца, где каждый может нас услышать и доложить императору, крайне безрассудны. Неужели не боитесь гнева монарха?

– Он никогда не решится на такое. Мы дипломатическая миссия с Каросса. Наши жизни неприкосновенны.

Надо же, сколько пафоса и апломба. И полное отсутствие здравого смысла, способности оценить сложившуюся ситуацию.

– Неприкосновенна лишь жизнь императора и его семьи, – произнесла я, входя внутрь здания. И пусть меня никто не приглашал, теперь я вроде стала женой посла, значит, можно. А во дворе нас могли подслушать, да и здесь тоже, но разговаривать о таком на улице, у всех на виду, просто безумие. – Все остальное – тлен и расходный материал.

Внутри было прохладно. Высокие потолки, белые стены и пол, плетеная мебель (никогда такой не видела), множество ярких пестрых подушек, высокие расписные вазы, полные сухоцветов, на одной из стен – разноцветная мозаика с изображением океана и морского чудовища, которое своими огромными щупальцами пыталось утянуть на дно океана корабль.

У этой мозаики я застыла, изучая леденящую душу картину.

Никогда не была на берегу океана, и о том, как там красиво, знала лишь из немногочисленных книг. Но у всего есть обратная сторона. Для жителей побережья эти морские чудовища, которых под силу сдержать лишь потомкам Синего бога, не вымысел и не сказка.

– Но вы тоже являетесь членом императорской семьи, – произнес мужчина, становясь рядом.

Я коротко и хрипло рассмеялась, а потом крутанулась на пятке, развела руки в стороны и дала Виту возможность рассмотреть себя.

– Посмотрите на меня. Разве я похожа на императорскую племянницу?

Ниардо вздрогнул, задержал взгляд на моем лице и тут же отвел его в сторону.

– Он унизил вас, унизил Сандера. Такое неуважение выходит за правила приличий. Вам даже не дали одежды и обуви. Император…

– Лишь лишний раз напомнил мне, где мое место и кто я такая, – быстро перебила его. – Вы забываете, что законнорожденность моего отца не была доказана. Покойный император никогда официально его не признавал, что бы ни говорили заговорщики. Сама мысль о закон-

ности абсурдна. Так что не надо говорить о моем наследстве. Его нет. Давно. Ничего нет, кроме меня. И повелитель лишний раз об этом напомнил. Остров всего лишь провинция.

– Мы свободный и независимый народ, – тут же вспыхнул Вит.

– Входящий в состав Империи.

– Это не одно и то же. Мы совершенно разные, и вы сразу в этом убедитесь. Но я понимаю ваше беспокойство. Новая жизнь, новая страна. На Кароссе все станет по-другому. Мы помним и чтим правила, договор будет исполнен, как исполнялся века до этого.

Снова правила и договор.

Сказать ему, что меня не посвятили в его содержание? Или пока не стоит?

Нет, я не настолько доверяю этому красавчику с фривольными манерами и полным отсутствием здравого смысла. Тем более, когда речь идет о таких важных вещах.

Пока можно поиграть, глядишь, и узнаю что-нибудь новое.

– Благодарю, – ответила я и вздрогнула, услышав жалобный клекот, доносящийся с улицы.

Не думая ни о чем, бросилась к высокому окну, выглянула.

– Скоро начнется погрузка, – объяснил Ниардо.

– Мы действительно сможем его забрать?

Мне все еще не верилось, что император позволит совершить такое.

– Дикого грифона? Если вам будет угодно, – с сомнением ответил молодой мужчина.

Ему моя затея явно не пришлась по вкусу. Но кого это волновало? Главное, что ее одобрил и принял мой странный супруг. Остальное неважно.

– Но вы должны понимать, – продолжил Виттор, – что его крылья… раны слишком серьезные, он ведь сам себя калечил столько лет. Возможно, этот грифон никогда не сможет летать.

– Вы его видели?

– Да. Вы, наверное, меня не заметили, но я тоже был у кормушек.

– Разве? Не помню.

Мужа, стоящего рядом, помнила, и силу, которая от него исходила, тоже. Помнила управляющего и как от него пахло потом и немного кровью. А вот Вита не видела. Или, может, мне просто было все равно?

– Вы не думали о том, что, возможно, гуманнее…

– Не смейте, – прервала его внезапно осевшим голосом. – Даже думать об этом не смейте. Аргус будет летать.

Нам обоим подрезали крылья, но мы выжили. И еще сможем полететь. Впервые за столько лет у меня появилась надежда на будущее. Но и о прошлом забывать не следовало.

Кстати, о прошлом.

– Скажите, а я могу отправить письмо? Мне очень нужно.

– Да, конечно, – ответил Ниардо, несколько обескураженный резким переходом от одной темы к другой. – Прошу за мной, я провожу вас в кабинет.

Стоило мне подойти ближе, как он тут же попытался обнять меня. Не вышло. Почувствовав руку на талии, я отскочила в сторону, вызвав гримасу злости на красивом лице.

Мало кто смел отказывать этому красавчику. Это его злило.

Кабинет находился чуть дальше. Третья дверь справа.

– Здесь есть все необходимое, – произнес Виттор, указав на стол, где лежали гербовая бумага и чернила.

– Я точно могу этим воспользоваться? – с сомнением спросила, осторожно касаясь плотных листов.

– Вы супруга Сандера. Вам многое позволено. Благодаря гербовой печати Каросса ваше письмо будет доставлено максимально быстро.

– Благодарю.

Я, чувствуя себя крайне неловко, осторожно села за стол и принялась сочинять послание няне. Не забыла упомянуть, что у меня все хорошо и я обязательно за ней вернусь. Чего бы мне это ни стоило.

«Дождись меня. Только дождись и ничего не бойся!»

Я так увлеклась, что не заметила, как Ниардо закрыл дверь, подошел ближе, безмолвной тенью встал за спиной. Только когда его рука скользнула по моей косе и приподняла ее, я вскочила, дернулась в сторону и резко обернулась.

– Вы забываетесь, – холодно произнесла, дрожащими руками запечатывая письмо.

– Зачем эти игры? – вдруг мягко спросил Вит, изучая мой подбородок. Поднимать взгляд он не спешил, понимал, что почувствует. – Мы ведь оба знаем, какая судьба ждет вас на острове.

«Точно не скажу, что не знаю!»

– И что из этого?

– Меня выбрал и одобрил Сандер.

– Что-о?

Сдержаться у меня все-таки не получилось.

Этого просто не может быть! Зачем моему мужу такое?

– Мой род – уважаемый на Кароссе, – продолжил Ниардо, воодушевленный моим удивлением. – Для меня честь разнообразить ваш досуг… скрашивать ночи…

Он попытался коснуться моего лица.

– Спасибо, но не стоит, – ответила я, отодвинулась в сторону и протянула ему конверт. – Адрес написан. Необходимо доставить как можно скорее.

– Будет исполнено, – с досадой ответил островитянин, принимая конверт.

– Только ее уже могли поселить в другом месте.

– Письмо найдет адресата. Даю слово.

– Спасибо.

Я уже собиралась уйти и направилась к двери. Близость и навязчивость мужчины нервировали. Но Ниардо сумел поймать меня за руку, не дав сбежать.

– Вы можете играть в гордость столько, сколько вам будет угодно, но кандидатуры лучше моей вам не найти. Если учесть особенности… хм… вашей внешности.

И он думал, что это меня заденет? Заставит играть по его правилам?

Нет, по поводу внешности я не переживала. Красота может быть опасной и смертельной.

– Учту.

– Я не хотел вас обидеть, – он тут же попытался пойти на попятную.

– А вы и не обидели, – ответила я, освобождаясь из захвата.

Открыв дверь, едва не столкнулась с мужем, который в этот момент хотел зайти в комнату.

– Ох! – выдохнула, увидев глаза цвета океана.

Сандер странно взглянул на меня, затем на возникшего за моей спиной Виттора.

– Что здесь происходит?

– Ничего особенного, – бодро отрапортовала, отходя в сторону и пропуская мужчину в кабинет. – Изучаем идеальные качества господина Ниардо.

Коврик под моими ногами был мягким, ворсистым и таким приятным, что я совсем забыла, как болезненно ноет ранка на ступне.

– Вит?

Мне показалось – или глаза супруга потемнели? Наверное, именно так выглядит штормовой океан – опасный, жуткий и в то же время завораживающе прекрасный. Никогда не видела, чтобы радужка так быстро меняла свой цвет в зависимости от настроения.

Ниардо, кстати, тоже проникся – запнулся, отвел взгляд и забормотал:

– Я всего лишь исполняю вашу волю.

«Ну же! Скажи, что все это ложь, и ты никаких распоряжений не давал! Скажи, не ломай хрупкое доверие, возникшее между нами!»

Но Сандер молчал, только глаза стали еще темнее и опаснее.

– Отложим разговор до прибытия на Каросс, – сдержанно ответил муж. – Здесь для этого не место и не время. Не забывай, где мы находимся, Вит.

– Да, господин. Я понимаю, – Ниардо склонил голову. – Ошибся. Но я всего лишь хотел наладить контакт, помочь привыкнуть к новой роли.

Вот зря он про контакт, потому что я сразу забыла о ковре, ноющей ноге и быстро спрятала руки за спину. А то ведь и огреть могу кое-кого ближайшей бронзовой статуэткой, изображающей крылатого коня.

Никогда не думала, что окажусь в таком положении и свежеиспеченный муж на моих глазах будет договариваться с другим мужчиной о его контактах со мной. Нет, я вообще никогда не думала, что выйду замуж. Но это все же перебор.

– Можешь быть свободен, – холодно оборвал его супруг.

– Благодарю. – Перед тем как выйти, островитянин взглянул меня. – Еще раз прошу прощения. Я не хотел вас оскорбить.

Я кивнула, рассматривая картинку на стене. Снова океан и корабль с белоснежными парусами, пушистые облака и мелкие барашки волн, накатывающие на корму.

Муж не спешил уходить. Молчал, глядя в окно.

Напряжение усиливалось, как и чувство неловкости.

– Я прошу прощения за Виттора, – произнес Сандер после минуты томительного молчания и тяжело вздохнул. – Он иногда бывает слишком исполнительным и напористым. Я не думал, что он воспримет мои слова буквально и сразу начнет действовать.

– Значит, сказанное им правда, – подытожила я.

А ведь не собиралась спрашивать, но и удержаться не смогла.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, островитянин задал свой.

– Император ведь ничего не рассказал тебе, не так ли?

– О договоре и моих обязанностях? Нет, мне ничего не известно, – честно ответила ему.

Почему-то Сандеру я могла сказать правду, не играя и не таясь.

Кажется, он что-то произнес сквозь сжатые зубы, но я так и не смогла расслышать, что именно. Видимо, что-то не совсем приличное.

– Ты не должна бояться. Я тебя не обижу. Никто на Кароссе не посмеет тебя обидеть.

– Потому что во мне течет императорская кровь?

– Да.

– Тогда у меня к тебе еще один очень важный вопрос. Я действительно твоя жена? И останусь ли я ей на острове?

Сандер резко повернулся. Глаза вновь стали привычно лазурного цвета.

– Да и да.

– А я у тебя одна жена или есть и другие жены?

Я слышала, что ящеры практикуют многоженство. У них возможно иметь до трех официальных жен, и это не считая кучи рабынь-наложниц, часть из которых – девушки, украденные из деревень на границе с Империей.

Усмехнулся. Едва заметно, слегка приподняв уголки губ.

Мне показалось, что он очень редко улыбается, а тут вдруг показал свои чувства.

– Это уже третий вопрос.

Меня это нисколько не смутило.

– И ты на него не будешь отвечать? – сразу же уточнила, вызвав у мужчины очередную усмешку.

– На Кароссе запрещено многоженство. Ты моя единственная жена. Есть и будешь.

– И на этом спасибо, – пробормотала в ответ. Но оставалось еще кое-что, что необходимо было прояснить. Касалось это лично меня. – Ты знаешь о том, кто я такая?

– Да, я знаю, кем были твои родители. И о проклятье мне тоже известно.

– Тебя это не смущает?

– Нет, – спокойно отозвался Сандер, продолжая смотреть мне в глаза.

То ли он слишком хорошо владел собой, то ли… Нет, этого не может быть, проклятье действует на всех и всегда. Я это точно знала. Ни один смертный не мог его обойти, даже император, а в его жилах текла кровь Красного бога.

– Я все расскажу тебе, но не сейчас. Наша беседа будет долгой, а сейчас у нас нет времени.

– Понимаю, – несколько разочарованно протянула я, поправляя сползающий рукав. Все-таки своей собственной одежды очень не хватало. – Спасибо.

– За что?

– За Аргуса.

– Я здесь ни при чем. Это подарок императора.

– Он знает, что я забираю его?

– Думаю, ему уже сообщили.

– И? – Я запнулась, сглотнула и первой отвела взгляд, что мне было совершенно не свойственно. – Что он сказал?

– Насколько мне известно, ничего. Грифона у тебя не заберут. – Сандер уже собирался уйти, повернулся в сторону двери, но неожиданно замер. – Сколько ступеней ты прошла?

– Две.

– Тебе ведь было восемь, когда все случилось. Почему не дали пройти последнюю ступень и стать наядой? К лесным нимфам законы Империи не применяются.

– Не позволили, – глухо ответила я.

«…Впусти ее, Эстрея. Богами заклинаю, впусти!.. – мамин голос сел.

То ли от холода ночи, то ли от охвативших ее эмоций.

Мы стояли у самой опушки древнего леса. Я крепко держала мамину руку, прижималась к ее боку и не сводила взгляда с ослепительно красивой блондинки в белоснежном коротком платье до лодыжек, подол которого был украшен золотой каймой. И вздрагивала от злорадного блеска в глубине дымчатых глаз.

Эта женщина мне не нравилась. От нее исходили опасность и угроза. И уходить с ней, бросив любимую маму, мне не хотелось. Я даже приготовилась зареветь, жадно прислушиваясь к их разговору и пытаясь понять, почему мы здесь.

– Ее срок не подошел.

– Я понимаю, но прошу сделать исключение. Ты ведь можешь, я знаю. Он что-то задумал. Я чувствую. Укрой ее под тенью Древа, не дай пропасть. Молю тебя… сестра».

– Прошу прощения, я не хотел тебя расстраивать.

– Все в прошлом. Десять лет прошло.

– Но ты не забыла.

Нет, не забыла.

Имена тех, кто предал мою семью, огнем выжжены в сердце. Придет время, и я отомщу. Еще не знаю, как, но я это сделаю. И жрица Эстрея, родная сестра моей матери, будет в числе первых, вместе с императором.

Путь до побережья океана занял более полутора суток, мы проделали его по воздуху, на грифонах. Могли бы добраться быстрее, но тяжелая клетка с Аргусом сильно задерживала. Плюс ко всему островитяне очень заботились о моем самочувствии. Поэтому стоянки были

частыми и длительными, походная еда вкусной и сытной, а отношение ко мне обходительным и уважительным. Никаких намеков, косых взглядов и смешков за спиной.

Я даже расслабилась, хотя привыкла всегда быть на стороже.

Все мужчины относились ко мне одинаково, за исключением двоих. Сандер оказался скрытен, загадочен и немногословен. Иногда я ловила на себе его внимательный взгляд, но стоило повернуться, он тут же отворачивался. А Виттор Ниардо, наоборот, всегда был рядом, улыбался, пытался заговорить и всячески старался помочь. И самое интересное, что других кароссиканцев это нисколько не смущало.

В определенный момент мне надоело думать о сложившейся ситуации, и я просто сосредоточилась на собственном самочувствии и Аргусе.

Узнать-то он меня узнал, но это мало что изменило в его отношении. Да, рвать свои крылья грифон перестал, злобно клекотать и шипеть на всех тоже, если только кто-то не приближался к клетке слишком быстро. Но желающих подойти к нему находилось мало. Аргус позволял приближаться лишь мне. Застывал, не сводя с меня пристального взгляда мертвых голубых глаз.

Смотрел и молчал. А я говорила.

Наверное, я никогда не говорила так много. В какой-то момент даже перестала замечать снующих туда-сюда людей и Ниардо, который подступал все ближе. Я забывала обо всем, кроме этих глаз, и чувствовала великую вину. За то, что бросила грифона, похоронила его живым, решив, что Аргус ушел вслед за отцом. Объяснения, что я сама еле выжила, ничего не давали. Вина никуда не делась.

О чем я ему рассказывала? Сложно сказать и все перечислить. Вспоминала совместные прогулки, отца, прошлое, которое мы оба так и не смогли забыть.

– Мы живы, – говорила ему. – И мы еще будем летать. Я тебе обещаю.

Он слушал, молчал и не двигался. Лишь во взгляде светилась уничтоженная и растоптанная душа. Получится ли у меня когда-нибудь воскресить ее? Я не знала.

Сложно воскресить другого, когда сама едва жива.

Ночью мы остановились на одном из постоялых дворов на окраине второго по размерам города Империи – Саркуса. Въезжать за огромные каменные крепостные стены, которые в свое время выдержали более десятка нападений и осад, не стали, чему я была только рада. Не любила я большие города.

Постоялый двор оказался большим, уютным и симпатичным. После сытного ужина меня отвели в отдельные покои. Я устала во время путешествия, плюс ко всему сказалась прошлая бессонная ночь, так что даже как следует поволноваться, дожидаясь своего супруга, не смогла. Умылась, надела сорочку и забралась под тонкое одеяло. Несмотря на летнюю жару, в помещении было прохладно, а ночью даже холодновато.

Если муж ждет от меня исполнения супружеского долга, то пусть постарается и разбудит. Проводить еще одну ночь в томительном ожидании я не могла.

На этот раз обошлось без сновидений.

Встала по давней привычке рано. Когда рассвет заалел на горизонте, а сумрак ночи еще не ушел, уступив место солнечному дню, я поднялась.

Кое-как причесавшись и заплетя волосы в косу, надела одежду мужа. Она уже не пахла морем, но грязной пока не выглядела.

Можно было подождать, когда меня придут будить, но захотелось пить. А воды в глиняном кувшине не оказалось. Видимо, служанка забыла налить.

Поэтому я осторожно вышла в коридор и начала спускаться по лестнице.

Именно в тот момент я услышала голос Ниардо.

– … сам ведь сказал!

Судя по тону и по голосу, молодой мужчина был чем-то очень недоволен и даже возмущен.

– Я сказал, но ты своей поспешностью сделал только хуже, – раздался в ответ голос Сандера, и я застыла, прижавшись спиной к стене и задержав дыхание.

Кажется, сейчас мне предстояло стать свидетельницей очень интересного разговора. И, вполне возможно, получить ответы на кое-какие важные вопросы.

– Я в этом не виноват.

– Но ты ее оттолкнул своей настойчивостью.

– Она сама не понимает, от чего отказывается.

– Выбирай выражения, Вит. Ты говоришь о моей жене.

– Мы оба отлично знаем, что это ничего не значит, Сандер. Или она пытается набить себе цену и думает, что может найти кого-то лучше?

«Тоже мне, герой-любовник. Эгоист и самовлюбленный индюк! Да я лучше умру, чем позволю тебе коснуться себя!»

– Она не знает, – тихо ответил муж.

– Чего не знает?

– Император не посвятил ее в условия договора.

Виттор громко выругался, что-то оглушительно стукнуло. Кажется, кто-то с грохотом поставил кружку на стол.

– Ты шутишь? Но как такое возможно?

– Вместо нее готовили другую, но она погибла на границе во время стычки с ящерами.

– Отродья Темного бога!

– Третья кандидатка еще слишком молода. Оставалась только Тьяна.

– Ты слишком не вовремя пришел и потребовал выполнения договора.

– Ты знаешь, что не мне это решать, – устало ответил Сандер.

Звук отодвигающегося стула… неторопливые шаги… Я вжалась в стену, надеясь, что мужчины не пойдут в мою сторону. Попадаться во время подслушивания не хотелось.

– Кристалл затухает.

Это Вит. Я даже не сразу узнала, его голос был необычно тих и даже немного встревожен. И когда красавчик успел превратиться в строгого мужчину?

– Я его держу, – Сандер ответил глухо и даже немного раздраженно.

– Этого мало. Странно, что Каарх не призвал тебя раньше.

– На все его воля. Не нам это обсуждать.

Ответ мужчины был немного раздраженным, и я стала прислушиваться еще сильнее.

Ну же. Расскажите, что это за кристалл такой. Как он со мной связан? Вместо того чтобы узнать ответы на свои вопросы, я задала себе десяток новых.

– Прорывы случаются все чаще, – продолжил Ниардо.

– Скоро все стабилизируется. А до этого момента я прошу тебя не трогать Тьяну. Пока прошу, Вит.

– Она тебе нравится?

Как, оказывается, единственный вопрос может взволновать и привнести сумятицу в сознание! Щеки мгновенно вспыхнули, дыхание сбилось, изо рта вырвался приглушенный писк. Пришлось зажать рот рукой и помечтать, чтобы меня не услышали.

– Она моя жена. И ты отлично знаешь, что это значит.

«Я не знаю! Мне скажите!»

Поздно.

– Пора собираться. Надо разбудить ее.

– Ты мне это доверяешь? – хмыкнул Ниардо.

– Мы с тобой оба знаем, что до обряда ты ничего сделать не сможешь.

Больше скрываться смысла не имело, пора было дать о себе знать.

Выпрямилась, расправила плечи и затопала по лестнице, давая понять, что иду именно я.

– Доброе утро. Я не помешала? – спросила, оглядывая мужчин.

Виттор сидел за столом. При моем появлении он вскочил и поправил жилет. Мой супруг стоял у окна, повернувшись ко мне боком. На нем красовался тот же жилет, что и днем раньше, только вот рубашки, в которой он ходил вчера, не было, и я неожиданно увидела на левом плече татуировку в виде волка и какой-то странный символ.

Волк у кароссиканца? Да быть такого не может. Морское чудище, хвостатую красивую деву или океанского гада я бы еще приняла. Но не волка.

Интересно, что это может означать? И почему мне вспомнились красные волки?

– Тьяна, ты рано. Плохо спалось? – участливо спросил Сандер.

– Нет, я привыкла рано вставать.

Муж осмотрел меня с ног до головы и неожиданно скривился. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

Ну вот и проклятье начало действовать. Хорошо же он держался все это время, раз показал отвращение только сейчас.

Но я и тут ошиблась.

– Надо было купить тебе одежду и обувь, – произнес муж, изучая мои голые ступни. – Здесь есть поблизости магазины готовой одежды?

Спросил Сандер у Виттора, который стоял, ожидая распоряжений.

– Не знаю, – тот пожал плечами. – Но могу узнать у хозяина.

– Время еще есть. Так что, действуй.

– Но мой размер, – пробормотала я.

– Я разберусь, – ответил Ниардо, направляясь к выходу.

После его ухода мы некоторое время стояли в тишине.

– Завтрак?

– Да, наверное.

Ниардо пришел через сорок минут. Запыхавшийся и сияющий молодой мужчина протянул мне связку одежды в грязно-бежевой пергаментной бумаге, завязанной бечевкой.

– Все, что мог.

– Это мне? – недоверчиво переспросила я.

– Да. Переодевайтесь.

Внутри лежала длинная юбка из темно-синей ткани, которая мягко облегала бедра. Поясок был свободным, и я подвязалась тесемкой. Белая блузка оказалась немного широкой, но не так уж и сильно. Застегнув пуговички до самого горла, набросила сверху легкую жилетку из голубого хлопка, украшенную вышитыми розами. Туфельки из белой кожи без каблучков мягко обхватили ножку и оказались впору.

Удивительно даже. Как ему удалось так легко определить размеры? Наверное, очень богатый опыт.

Мы отправились в путь почти сразу и прибыли в приморский городок после обеда. А к вечеру я совершенно непредумышленно и случайно разбудила само зло.

Глава 5

Портовый городок Лучерский располагался в Изумрудной бухте, которая получила свое название благодаря обилию водорослей. Они росли на дне и во время цветения на целый месяц окрашивали воду в ярко-зеленый цвет.

Пологая береговая линия растянулась на много километров, а за ней узкой полоской расположился городок.

Белоснежный песочек на пляжах, часть которых являлась частной собственностью, была огорожена высокими заборами и строго охранялась. Аккуратные, вымощенные булыжником мостовые, на улицах никаких сточных вод с неприятными запахами. Уютные двухэтажные домики белого цвета с красными крышами и сине-зелеными ставнями. Кадки с пестрыми цветами на каждом балкончике и у каждой двери. Небольшие таверны с экзотическим названием «кафе», с выставленными на улицу маленькими столиками для посетителей. Пахло морем и выпечкой, солнцем и радостью.

Я даже засмотрелась на новшества. Народ был опрятно одет и улыбался. Очень много улыбался. У нас так не принято.

Нас встретил сам мэр – невысокий лысый мужчина с круглым пузиком, которое норовило порвать пуговицы и выбраться наружу.

Мужчина проявил любезность и поселил нашу делегацию у себя в особняке. Корабль кароссиканцев должен был отправиться в путь на следующий день.

Жена мэра и две его дочери оказались не менее обходительными. Они даже пытались улыбаться, глядя на меня, хотя прочитать мысли на их лицах не составило труда. Они никак не могли понять, что такой мужчина, как Сандер, нашел в такой, как я. Потом вспомнили об императорском приказе и тут же прониклись искренним сочувствием к моему мужу.

Дамы предложили сопроводить меня к модистке, чтобы купить какие-нибудь наряды, и утверждали, что у нее точно есть пара хорошеньких готовых вещиц.

Но я отказалась. На Кароссе мода совершенно другая, поэтому смысла тратить деньги я не видела. И ходить по магазинам с незнакомыми дамами мне не хотелось. И так чувствовала себя не в своей тарелке.

За десять лет я многое успела забыть. Например, как пользоваться столовыми приборами. Весь обед я лихорадочно посматривала по сторонам, пытаясь угадать, какие столовые приборы надо использовать. Так разнервничалась, что почти не почувствовала вкуса еды, хотя суп из морепродуктов оказался очень вкусным и сытным.

Сидеть в четырех стенах не хотелось.

Мэр между делом обмолвился, что у него есть свой собственный пляж, который можно посетить в любое время. И это стало навязчивой идеей.

Океан манил меня. Стоило только во время полета появиться на горизонте этой ярко-голубой глади, и я уже не смогла отвести от нее взгляда. Сейчас мне больше всего хотелось увидеть океан поближе, коснуться его.

– Мы можем сходить на пляж? – поинтересовалась у Ниардо и, наверное, впервые за все время обратилась к нему сама.

– К сожалению, это невозможно.

– Но почему? Мэр сказал, что у него свой личный пляж. Мне ничего не угрожает.

Кажется, у Виттора на этот счет было иное мнение.

– Сандер не разрешит, – неожиданно ответил он, впервые вспомнив о том, что у меня, оказывается, есть муж, а я чужая жена.

Раньше наличие супруга мужчину не смущало.

– Это же совершенно безопасно. Почему он может быть против?

– Всему есть причины.

– Какие? – тут же поинтересовалась я.

Ответа не было.

– Вам лучше поговорить об этом с Сандером.

– Но его здесь нет. А я никогда не видела океана. Только на черно-белых картинках.

– Поверьте, у вас будет достаточно времени, чтобы привыкнуть к нему. Когда-нибудь вид воды станет внушать вам отвращение и даже ужас.

– Разве такое возможно? – не поверила я.

– Вполне. Ваш замок расположен на вершине утеса. Все окна выходят на океан.

– Мой замок?

Все последние десять лет у меня была лишь крохотная каморка за печкой. А тут целый замок. К такому сложно привыкнуть.

– Да. Фриастор, что на языке древних означает «Предрассветный». Удивительной красоты замок, достойный особы императорских кровей. Стены и потолок вручную расписаны великими мастерами, пол из мрамора, а окна подчас занимают целую стену.

– Красиво, наверное.

– Одно из самых красивых и древних сооружений Каросса.

– Понятно.

– Поэтому я не вижу смысла рисковать сейчас и отправляться на пляж.

– А в чем риск?

– Вам лучше узнать это у вашего супруга.

– А ракушки здесь есть? – неожиданно спросила я. – У нас в деревне имелась одна. Совсем крохотная, но очень дорогая. Говорят, если поднести ее к уху, можно услышать шум океана. Мистер Фирс за одну медную монетку разрешал послушать любому желающему.

Почти всем, кроме меня. Проклятая к такому сокровищу не допускалась даже за золотой.

– Смотря какие ракушки, – снисходительно отозвался мужчина.

– Знаешь, Виттор, – я впервые назвала его по имени и даже попыталась улыбнуться. – Я была бы тебе очень-очень благодарна, если бы ты помог мне.

Не удается убедить словами, будем кокетничать. Если бы я только умела это делать!

Кажется, начало получаться.

Ниардо осмотрелся, тяжело вздохнул и кивнул, сдаваясь:

– Если только ненадолго. И при условии, что мы не будем подходить к воде. Это действительно очень опасно.

Пляж располагался за личным парком мэра и был огорожен от любопытных высоким забором и зарослями колючих вьющихся роз самых разных цветов и оттенков. Это не считая кучи охранников по периметру.

Туфельки я сняла почти сразу, подпрыгнула на одной ноге, затем на другой, а потом с наслаждением погрузилась в теплый белоснежный песочек, едва не мурча от удовольствия.

– Ох, какой он горячий, – прошептала недоверчиво, пошевелив пальцами ног.

– Осторожнее, – хмыкнул Виттор, забрал у меня туфельки и подал свободную руку. – Здесь могут быть острые ракушки, еще оцарапаешься.

– Думаю, что мэр позаботился об этом. Он наверняка печется о своей безопасности. Ох, – я посмотрела вперед и восторженно вздохнула. – Как красиво!

Огромное оранжевое солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая спокойную гладь бухты в яркие цвета.

– Закат на Кароссе еще красивее. Бесконечный океан и невероятные краски. Все оттенки красного, оранжевого и желтого. Каждый закат и рассвет на острове неповторимы и уникальны.

– У меня будет возможность убедиться в этом, – произнесла я, медленно бредя по песку и приближаясь к прозрачным водам, которые словно шептали, моля подойти.

Странно, но песчинки, прилипшие к ступням, совершенно не причиняли дискомфорта, как обычные травинки и камушки, которые досаждали мне в деревне.

– В воду нельзя! – крикнул Ниардо, но поздно.

Я уже шагнула вперед, приподняла юбку, наслаждалась мягким покачиванием волн, ласкающих кожу.

– Успокойся! – Я беззаботно рассмеялась. – Что мне может грозить здесь, на… ой!

Острая боль пронзила ногу до самого колена. Пальцы разжались, отпустили подол, который тут же оказался в воде, ткань окрасилась в более темный цвет.

– Что произошло?

Виттор тут же оказался рядом, прямо в обуви бросился в воду, подхватил меня на руки и вытащил на берег.

– Ракушка, – пробормотала я и поморщилась, почувствовав, как соленые капельки пробрались в открытую ранку. – Как глупо. Все-таки порезалась. А думала, что мэр все предусмотрел.

Изогнувшись, я увидела длинную, узкую, набухшую кровью полоску раны на стопе и тонкую струйку, которая медленно стекала по ноге.

– Нет, нет. Этого просто не может быть.

– Ранка совсем пустяковая. Так что можешь меня отпустить.

– Этого просто не может быть! – продолжал бормотать Виттор и быстро нес меня в особняк мэра. – Один шанс из тысячи. Невозможно!

Его тревога передалась и мне.

– Да что случилось? Ну подумаешь, ранка. Не умру же я от этого.

– Тревога! Трубите тревогу!

– Виттор? – навстречу нам вышел пожилой кароссиканец, тот самый, который запомнился мне во время обряда. Его звали Гордиан Стенз, он считался первым помощником моего мужа. – Что произошло?

– Я не виноват… Я не думал, что так произойдет, – забормотал Ниардо, ставя меня на пол и отступая в сторону.

Его трясло в прямом смысле этого слова.

Я поправила юбку и улыбнулась:

– Ничего страшного. Просто немного поцарапала ногу о ракушку.

– О какую ракушку? Ты водил ее к океану?

– Она попросила. Просто прогулка… Этого не должно было произойти. Случайность.

Стенз ответить не успел. Громко зазвонили колокола на главной башне. Послышался испуганный крик:

– Беда! Океан волнуется! Беда!

Прихрамывая, я бросилась к окну и застыла, отказываясь верить собственным глазам.

– Этого просто не может быть. Невероятно! – прошептала едва слышно и тяжело сглотнула.

Только что гладь океана была спокойной, а теперь появились волны, которые с каждой секундой становились все больше. Они накатывали на берег, обрушивались, пенились и сметали все на своем пути. Небо почернело, солнце скрылось за тяжелыми тучами.

– Он идет, – мрачно констатировал Стенз.

– Кто? – не поняла я.

– Отродье Темного бога. Кракен.

Надо сказать, хоть образование у меня среднее, многого я не знала, а об обычаях островитян подавно, но слово «кракен» оказалось более чем знакомым. И так же, как у всех, у меня оно вызвало жуткий ужас и панику.

– К-как кракен? – пробормотала я, пятясь от окна и путаясь в мокром подоле.

Завертела головой, пытаясь понять, в какую сторону бежать. Даже забыла о ранке на ноге. Все-таки инстинкты и чувство самосохранения у меня имелись, жить хотелось очень сильно.

– Мой ошибка, моя… если бы я только знал, – продолжал бормотать Ниардо, не обращая на меня внимания.

– Молчи, – прервал его Стенз. – С тобой Сандер разбираться будет. Ты знал. Знал, что ей нельзя подходить к воде…

– Одну минуточку, – подала я голос, сглотнула и быстро продолжила: – Совсем-совсем нельзя подходить к воде? А как же собственный дворец с окнами на пляж? Как же путешествие на корабле? Там же кругом вода?

– Дело в том, дорогая жена, – произнес Сандер, возникая у меня за спиной. Я чуть не упала, подпрыгнула от неожиданности и едва не поскользнулась в воде, натекшей с мокрого подола. Супруг удержал меня, но почти сразу отпустил, отошел в сторону. – Что на корабле вас поместили бы в специальную каюту, без доступа на палубу.

– Проще говоря – в тюрьму? – подсказала я.

– Зачем так грубо. Все для твоей безопасности, – ответил муж совершенно спокойно, после чего повернулся к застывшему Ниардо.

– Замка тоже нет? – никак не могла я успокоиться, перетягивая внимание на себя.

– Отчего же, есть. С видами на океан.

И тут я начала понимать.

– На океан, к которому мне нельзя подойти?

Им не надо было отвечать, я и так поняла, что угадала. Вспомнила о том, что папа никогда не возил нас к морю, хотя я просила, рассматривая детские книжки с яркими картинками. О путешествиях императорской семьи к океану тоже никогда не говорилось.

– Кажется, теперь, Ниардо, я понимаю, что значат слова о том, что наступит день, когда я возненавижу океан и все, что с ним связано, – произнесла едва слышно. – Видеть изо дня в день такую красоту, слышать шум прибоя и не иметь возможности подойти ближе.

Я говорила и по их глазам видела, что права. Вот что мне приготовили – идеальную тюрьму с окнами, но без дверей, золотую клетку, из которой не выбраться, как ни старайся.

– Каждый из нас чего-то лишен в своей жизни, а проживание во Фриасторе не самая худшая участь, – ответил Сандер, после чего опять повернулся к Ниардо. – Виттор?

– Я понимаю степень своей вины и готов понести заслуженное наказание. Могу встать на первую линию обороны, – быстро заговорил тот, покорно склонив голову.

– И напрасно погибнешь. Мне и твоему отцу эта жертва совершенно не нужна. На Кароссе совет решит твою судьбу и выберет наказание. А теперь слушай мой приказ: забирай Тьяну и уезжай как можно дальше от береговой линии. Мы должны отбить запах крови, запутать следы.

– Крови? – тут же уточнила, почти придя в себя от обрушившихся на меня сведений.

Наверное, надо было помолчать, но я не удержалась. Тут такие дела творились, а подробности от меня так тщательно скрывали…

– Опять кровь? – еще раз повторила, сжимая кулаки.

– Тьяна, поговорим потом.

– Дай догадаюсь: сейчас не время и не место. А тебе не кажется, что если бы ты с самого начала мне все рассказал, этой ситуации могло бы и не быть?

Ну все. Не получилось из меня послушной и верной жены. Характер вылез. Тот самый – противный, вредный и требующий справедливости.

Но своего добиться удалось, на меня все-таки обратили внимание. Лица мужчин вытянулись, взгляды стали весьма красноречивыми. Мне показалось, Стенз даже улыбнулся. Но в сложившейся ситуации улыбка больше походила на оскал.

– Имею право знать! Почему появился кракен? – спросила я и бросила еще один взгляд в окно.

Ох, лучше бы я этого не делала. Небо стало совсем черным, того и гляди появятся всполохи молний, ветер усилился, волны выросли.

– Это ведь из-за меня? Из-за моей крови?

Ответить они не успели. Появился запыхавшийся, белый как снег, мэр.

Интересно, почему мне всегда кто-то мешает узнать правду?

– Господин Сандер! Господин Сандер! Что же нам делать?

– Эвакуироваться, – сухо ответил тот. – Как можно быстрее.

– У нас самые лучшие защитные укрепления, все отпугиватели работают отлично, я каждую неделю провожу проверку. Сами понимаете, с кракеном шутить нельзя. Мы на протяжении пяти лет отбивали все атаки, никаких жертв и разрушений.

Про отпугивающие и оборонные средства я что-то слышала. Если бы не они, все города на побережье давно превратились бы в руины. Кажется, это какие-то специальные звуковые сигналы, подводные барьеры и колья.

– А ведь точно. Есть же барьеры, – прошептала я, чувствуя, как тревога отступает.

Все будет хорошо.

– Есть, но сейчас они не помогут, – разбивая мои надежды, ответил Сандер. – Задержат кракена, дадут всем возможность эвакуироваться, но не остановят.

– Но почему? – не выдержал мэр, протирая блестящий лоб кружевным платочком.

– Потому что сейчас другой случай. Кракен будет умирать, но не оставит попыток забрать то, что его призвало.

Ох, что-то мне это совсем не нравилось.

– Так, может, отдать ему это?

Я вздрогнула. Кажется, жертвенный алтарь не зря все время всплывал в моих мыслях. Накаркала. Сейчас меня просто принесут в жертву морскому чудовищу.

– Подожди, – Вит схватил Сандера за руку, повернул к себе. – Что ты задумал? Что собрался делать?

– Выполнять долг.

– Силы кристалла не хватит.

Пришлось прикусить язык, чтобы не начать задавать новые вопросы. Сейчас было не до них.

– Обойдусь без него. Есть другие способы.

– Совет это не одобрит, – заметил Стенз.

– Совета здесь нет, и решение принимать мне.

Я смотрела на них, но краем глаза заметила какое-то движение в океане.

Щупальце. Огромное, серое, жуткое, оно появилось и исчезло в бурном потоке воды. Еще далеко от пляжа, но в то же время так близко. Сомнений не оставалось. Кракен был тут. Он шел за мной.

– Мамочки, – только и смогла выдохнуть, с трудом прочистив горло. – Оно уже здесь.

Хоть и произнесла я это очень тихо, меня услышали. Оттолкнули от окна и выглянули наружу.

– Сайрон всемогущий, спаси нас, – оседая на колени, прохрипел мэр, сложив руки в молитвенном жесте.

– Не поможет тут огненноликий, не в его это силах, – отрезал Сандер. – Уходить поздно. Закрыть двери и окна! Виттор?

– Я сделаю все, чтобы защитить Тьяну, – серьезно кивнул тот, схватил меня за руку и потащил вверх по лестнице.

– Подожди! Куда мы? Что вообще все это значит? Зачем я ему нужна? Кракен ведь здесь из-за меня?

– Помолчи. Единственное, что нам остается, это молиться…

– Я не умею, – задыхаясь от быстрого бега, ответила ему.

Мы уже поднялись на третий этаж.

– Научишься. А мы будем молиться, чтобы Сандер выдержал.

– Выдержал что? Что он задумал?

– Он спасет нас всех.

– Но как?

Руку я все-таки выдернула и замерла у огромного окна, из которого открывался вид на океан.

Щупалец стало еще больше. Они поднимались и опадали, нагоняя ужас. Колокол на главной башне города гремел, предупреждая об опасности. Ветер срывал листья и ветки с деревьев, мелкие капли дождя забарабанили по стеклу, оставляя небольшие ручейки-дорожки.

А темная мужская фигура бежала в сторону пляжа.

– Это кто? Это Сандер? – прижимаясь ладонями к прохладному стеклу, спросила я.

– Отойди от окна, – тут же одернул меня Виттор.

– Это Сандер? – не унималась я. – Он же бежит прямо в лапы… щупальца кракена! Это самоубийство!

– Смотри, – вдруг ответил Ниардо, поворачивая меня к окну. – Смотри и запоминай. Такого ты больше не увидишь.

И я смотрела.

Сандер подбежал к самому краю воды. Я видела, как брызги волн окатывали его с ног до головы, но мужчина стоял и не двигался, как неприступная скала.

А потом…

– Ох, мамочки, – прошептала я, прижимаясь лбом к прозрачной поверхности.

Огромная трехметровая волна вдруг угрожающе поднялась над пляжем, обнажив ужасного головоногого монстра жуткого серо-бурого цвета со множеством извивающихся щупалец, которые тянулись… ко мне. Застыв на секунду, вода обрушилась на Сандера.

Я вскрикнула от ужаса, отшатнулась и прижала руку ко рту.

Но это было только начало.

Мутные воды вдруг расступились, образовав непроницаемый прозрачный круг, внутри которого в полный рост, раскинув руки, стоял мужчина. Вокруг него пульсировали и сверкали светло-голубые линии, которые превращались в огромные силовые плети.

Оружие богов.

Только в этот момент я внезапно поняла, кем на самом деле являлся мой муж. Не просто островитянин, посол и сильный духом мужчина.

Сандер был потомком водного бога Каарха. Последний из древнего рода, который считался вымершим. Тот, кто рожден, уничтожать чудовищ и управлять водной стихией.

Четыре великих божества и один Темный, запретный бог. Тот, чье имя на подавляющем большинстве территорий нашего мира произносить запрещено. Лишь ящеры могли позволить себе такое святотатство, не боясь ответной реакции – Темный отличался крайне вредным и мстительным характером. Но ящеры давно ничего не боялись. Зверь внутри них уничтожил все человеческое века назад.

Легенды о том, как боги сходили к простым смертным, их приключения, деяния и чудеса, творимые ради потехи – всего этого хватало у каждого народа. Сложнее было понять, где истина, а где ложь, выдуманная жрецами во славу своих богов. Правду знали лишь потомки, верные и носители древней крови, которой они так гордились.

Наяды рассказывали, что первые лесные нимфы были сотворены Зеленым богом и появились прямо из священного дерева, хранившего на себе отпечатки всех юных душ. Там осталась и моя ладошка. Я знала, что Эстрея не смогла ее стереть. Бог Древ хотел создать существ, хранителей жизни. Легенды гласили, что первые наяды могли заживлять все раны, даже самые страшные (не путать с воскрешением, это стезя Темного бога), общаться с деревьями, растениями, животными и птицами, а еще они могли в случае опасности обращаться в деревья. Но это происходило так давно, что трудно было понять, случалось так на самом деле, или это лишь сказки.

Потомки огненного бога Сайрона, объединившие несколько провинций в одну большую Империю, во главе которой они встали, обладали силой огня. Во время свадебного обряда я видела, что повелитель не утратил умения обращаться с пламенем, хотя папа был сильнее.

Я хорошо помнила, как он жонглировал для меня крохотными огненными шариками, подбрасывал их к самому потолку и ловил. А я все удивлялась: почему гадкий огонь не жжет его ладони, не оставляет после себя страшных ожогов? Меня пламя не принимало, стоило протянуть руку, и шарики искрили, шипели, предупреждая об опасности, точно собаки.

– Гадкий огонь, – со слезами на глазах пищала я, потирая пальцы.

– Это потому что ты больше наяда, чем дочь Сайрона, – смеясь, отвечал отец. По щелчку его пальцев шарики растворялись в воздухе, оставляя после себя лишь легкий дымок. – Ты – жизнь, Тьяна. А огонь – это разрушение, подчинение и боль. Хорошо, что этот дар тебя не коснулся, ты свободна от его обжигающей зависимости.

Потомки легкомысленного и ветреного бога Воргуна заслуживают отдельного упоминания. Горы Зархира тянулись величественной грядой на западной границе, разделяя Империю и царство ящеров. В горах обитало два народа: подземные джирсы (коренастые, низкорослые и крайне молчаливые) и живущие высоко на вершинах, там, где свободно гулял ветер – сорджи (высокие, стройные, длиннолицые, с узкими светлыми глазами и острыми подбородками). Они редко заглядывали в Империю, разве что в составе мирных делегаций для заключения новых торговых соглашений.

И джирсы, и сорджи были потомками Воргуна – повелителя воздушных потоков и солнечного света. Я плохо помнила историю их разделения. Там говорилось что-то о запретной страсти, о девушке, вставшей между двумя братьями-близнецами. В порыве ревности младший убил старшего, был изгнан на веки вечные под землю и, не забыв великого предка, стал родоначальником новой расы.

Северное княжество Перил, южная страна Користо и юго-западное графство Цирео исповедовали четырехбожие, никого конкретно не выделяли и одинаково почитали всех богов.

Оставался Каросс.

Отколовшийся от материка кусок земли. Гордый, независимый и своенравный, остров мечтал выйти из состава Империи и почему-то никак не мог это сделать. Сдается, отгадка лежала на поверхности, но мне еще так мало было известно.

Как я и сказала, Каросс когда-то являлся частью материка и откололся от Империи много столетий назад, во время самого первого и страшного нападения ящеров на наши земли. Именно в те годы и появились кракены – жуткие морские существа, создания Темного бога, которые топили корабли, нападали на прибрежные городки, стирали их с лица земли. Не было спасения от этой напасти.

Кракен с моря, ящеры с земли. Куда бежать? Где скрыться, где найти спасение?

Обезумевшая от горя девушка, потерявшая дом и семью, бросилась в храм, моля Синего бога заступиться за подданных, защитить от напастей, которые окружили со всех сторон.

Но ее надежды не оправдались. Ящеры не чтили других богов и, найдя несчастную девушку у алтаря, попытались надругаться над ней, злобно хохоча и издеваясь. Ее спас неизвестно откуда взявшийся незнакомец, который убил ящеров и залил алтарь алой кровью.

Как только первые капли упали на священный камень, раздался страшный грохот, земля затряслась под ногами, стены зашатались, грозя обвалиться. Каросс оторвался от материка и поплыл в океан.

– Ящеры больше не будут грозить вам, – сообщил незнакомец девушке.

– А как же монстры из глубины? Теперь мы как на ладони, открыты для них со всех сторон, – не поверила она.

– У вас обязательно будет защитник. Тот, который сохранит вас от проклятых созданий Темного, – прошептал неизвестный, прежде чем поцеловать ее губы.

Романтичная сказка о любви бога к смертной. Храм они все-таки осквернили, занявшись любовью прямо на каменном полу. А через девять месяцев девушка родила здорового и крепкого мальчика с глазами цвета океана, который с рождения мог управлять водной стихией.

До его шестнадцатилетия Каросс лично охранял Синий бог. А потом передал обязанности сыну и ушел с любимой в глубокие воды океана, чтобы жить там вечно.

Именно так получил свое начало великий род Каархов, потомков Синего бога, которые, в отличие от остальных, не растеряли знаний, а приумножили их. Именно они помогли построить ловушки и охранительные барьеры, что не давали кракенам подойти близко к побережью, создали специальные сигнальные трубы, которые помогали кораблям рыбачить и совершать длительные плаванья по водам Великого океана.

Вот только, согласно учебникам, род Каархов исчез лет сто-сто пятьдесят назад.

Но теперь, смотря на спину своего супруга, я понимала, что меня обманули. И не только меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.